

Лариса Кириллина

ДВОЙНИК

"Хранительница"

Часть 7

16+

Лариса Кириллина

ДВОЙНИК

«Автор»

2022

Кириллина Л. В.

Двойник / Л. В. Кириллина — «Автор», 2022

Давно погибший профессор Ульвен Киофар Джеджидд возвращается на родную планету в виде собственного двойника - совершенной биокопии с искусно воссозданной личностью. Проблему клона должны решить три женщины, любившие подлинного Ульвена и любимые им: ученица, сестра и жена. Межгалактический альянс считает ситуацию очень опасной: клонирование разумных существ строго запрещено во всех окрестных мирах. Кто и зачем создал клона? Каковы цели самого двойника? Что с ним делать, если уничтожить его нельзя?

© Кириллина Л. В., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Явление	5
Наше прошлое	8
Ночной пассажир	12
Юридическая консультация	15
Куратор	20
Свидание	23
О пагубности графомании	28
Камелия	32
Семейный совет	36
Прерванные гастроли	42
Концерт в колонии	48
Свидание с императрицей	53
Комиссия	58
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Лариса Кириллина

Двойник

Явление

Тот день начался совершенно обычно.

Я ночевала в своих служебных апартаментах при Институте истории Тиатары. Порой я живу в них по нескольку дней, если нет острой необходимости в моем присутствии дома. Бывает, ко мне присоединяется муж, Карл-Макс, потому что здесь нас никто не вздумает потревожить в самый неподходящий момент. Хотя в нашей большой семье царит дружба, любовь и веселье, старый дом в Витанове явно тесен для такого количества взрослых и малышей, а совсем отделяться никто почему-то не жаждет.

Официально я – директор научного института, входящего в Тиатарский межгалактический университет (Тиамун). Делаю всё, что положено: руковожу текущими исследовательскими проектами, составляю отчеты, устраиваю конференции, веду авторский курс. Правда, поскольку я не историк и не планетолог, а космолингвист, то преподаю теорию и практику перевода, чем ранее много лет занималась в Колледже космолингвистики. Для коллег и студентов я – профессор Цветанова-Флорес, в документах – баронесса Юлия Лаура Ризеншнайдер цу Нойбург фон Волькенштайн. И только для самых близких – просто Юлия, Юльхен, Юленька, Юла, Юллиаа, и так далее.

Но практически все здешние уйлоанцы издавна называют меня «госпожа Хранительница». Без имени и фамилии. Почему – объясню чуть попозже. К этому почтительному обращению так привыкли, что оно не вызывает вопросов. И лишь немногие посвященные знают, насколько точно оно соответствует моему настоящему статусу.

Я – Хранительница Тиатары. Эти обязанности на меня возложены руководством Межгалактического альянса. Моим предшественником был профессор Уиссхаиньщц, он имел более высокий ранг куратора, который тоже не афишировал, занимая другие, понятные для окружающих, должности: профессор истории цивилизаций, со-ректор университета, директор Института истории Тиатары. В момент, когда совершалась ротация, Альянс решил, что я еще не готова стать полноправным куратором, да и нет такой необходимости. Но Уиссхаиньщц пожелал видеть преемником не кого-либо со стороны, а меня. «С вами очень удобно работать», – заявил он мне под конец своего пребывания на Тиатаре.

Поэтому в моем кабинете имеются средства дальней космической связи. Примерно такая же аппаратура установлена в ректорате Тиамуна и в центре управления космопортом. Техника чрезвычайно сложная, связь дорогостоящая, и пользоваться ею можно лишь по необходимости. Обычно ко мне поступают текущие информационные сообщения (отвечать на них чаще всего не требуется), иногда – запросы от Межгалактического альянса и Межгалактического совета по научным связям разумных миров, и тогда я посылаю им нужные справки. Разумеется, регулярно составляю отчеты о текущем состоянии дел на планете с приложением статистических данных.

Это не затруднительно. Графы одни и те же, порядок цифр колеблется в малых пределах. Количество смертей и рождений в каждой из популяций и в целом, причины смертей (а вдруг эпидемия!), доходы, расходы, развитие промышленности и торговли, научные открытия и публикации, культурные достижения, природные катаклизмы, состояние флоры и фауны... Преступность?.. Почти на нуле. Ерунда: карманные кражи, угоны транспорта, подростковое хулиганство, драки без смертоубийства.

Войны? Какие войны, вы что?.. Ставим прочерк.

Тиатара – планета спокойная, здесь никто никогда ни с кем не конфликтовал, хотя население крайне пестрое. Цивилизация в обитаемой зоне создана тремя расами: уйлоанцами, тагманцами и землянами (нашу прародину называют здесь Теллус). А в Колледже космолингвистики и в Тиамуне работают и учатся представители самых разных миров, иногда весьма странные с виду. На внешность у нас не обращают внимания. Главное – соблюдение законов, уставов и правил. Фундаментальные нормы законодательства согласованы с Межгалактическим альянсом, а местные предписания исходят из практики и здравого смысла. Вдобавок у каждого крупного учреждения имеется свой собственный кодекс, учитывающий интересы всех участников. Такому устойчиво сбалансированному обществу, как говорил мне Уиссхайнцц, настоящий куратор, по сути, не нужен, достаточно заботливого пригляда Хранительницы.

К новой должности я привыкла довольно быстро, работа в Институте истории Тиатары мне нравилась: приятно каждый день узнавать что-то новое, решать задачи на стыке разных специальностей, выстраивать перспективные планы и рассматривать происходящее с межгалактической точки зрения. Красота!

Никаких неожиданностей, и тем более, неприятностей, я не ждала. Им неоткуда было взяться.

Я едва успела проснуться, когда мне позвонил барон Максимилиан Александр – мой свёкр, который теперь работает одним из начальников Тиатарского космопорта. Ему уже сильно за семьдесят, но ясный ум, завидное здоровье, немецкая дисциплинированность и огромный опыт исследователя дальних миров позволяют ему справляться со всеми нагрузками. В его ведении – внутренние наземные службы; расписанием прибытий и отправок он давно уже не руководит.

В эту ночь он дежурил в зоне прилета.

– Liebe Julia... – мы с ним всегда говорим по-немецки, но я переведу на русский: – Юлия, милая, вы уже встали?

В моем детстве и ранней юности он говорил мне «ты», однако после того, как я сделалась «госпожой Хранительницей», счел уместным перейти на «вы», хотя нашей дружеской близости это не повредило.

– Не совсем, дорогой Максимилиан Александр, пока еще нежусь в постели, но готова вас выслушать. Доброе утро!

– Вряд ли такое уж доброе.

– Катастрофа? – перепугалась я.

– Нет. Но, возможно, кое-что хуже.

– Барон, вы хотите пощадить мои нервы, а вместо этого только сильнее пугаете! Говорите конкретнее.

– Я не знаю, как вам об этом сказать.

Сердце мигом куда-то рухнуло.

– Что там?! Дети, Карл?!

– Не волнуйтесь, моя дорогая, с ними всё в порядке.

– А с кем беда?

– С нами всеми.

– Пожалуйста, прекратите изъясняться загадками!

– Прилетел... Ульвен.

– Так рано?

– Вы не поняли. Не племянник. А дядя.

– Что за глупости? Вы решили меня разыграть?..

Моя реплика прозвучала, наверное, резко и раздраженно. Со свёкром мы всегда находились в сердечном согласии, ссор у нас не случалось, и барон Максимилиан Александр вообще не склонен к дурацким мистификациям.

– Юлия, я совершенно серьезно. Ночью сюда прибыл Ульвен Киофар.

– Но ведь вы понимаете, что такого не может быть?..

– Понимаю. Однако этот субъект называет себя его именем.

– Мало ли кто как себя называет!

– В данном случае перед нами не совсем самозванец.

– А кто же?

– Видимо, клон. Двойник. Doppelgänger.

– Неужели настолько похож?

– Как две капли воды.

Хорошо, что я говорила с бароном, ещё лёжа в постели. Иначе у меня подкосились бы ноги. От невероятной новости я потеряла дар речи, позабыв сразу все языки, которыми я владею. Встревоженный моим долгим молчанием, Максимилиан Александр почти закричал:

– Юлия, Юлия! Вы меня слышите?!

– На ja... Ну, да, – ватным голосом пробормотала я. – Давайте сделаем так. Я сейчас встану, приму душ, выпью что-то бодрящее и сама позвоню вам. Минут через двадцать.

– Хорошо, моя милая. Понимаю, насколько вы ошарашены.

– Не то слово, барон.

Ошарашена. Ganz überrascht.

Наше прошлое

Наверное, нужно кое-что пояснить для тех, кто не знает историю моих взаимоотношений с семьей Киофар – потомками уйлоанских династов, когда-то обосновавшихся на Тиатаре. Я об этом писала в предыдущих частях своих хроник, но не каждый обязан читать всё с начала.

Принц Ульвен Киофар, известный в научных кругах как профессор Джеджидд – мой любимый и незабвенный учитель, выдающийся космолингвист и один из основоположников исторической уйлоанистики, первый ректор Тиатарского университета. Он погиб много лет тому назад на планете Лиенна, куда его пригласили с официальным визитом, надеясь, что он станет там императором, поскольку местная уйлоанская диаспора мечтала воссоздать все институты существовавшей когда-то на Уйлоа империи, а единственным законным потомком династии Уликенов был принц Ульвен. В силу разных причин он отказался от титула, предложив возвести на престол свою младшую сестру, принцессу Иссоа. С этим вроде бы все согласились, однако либо он успел восстановить против себя правящую верхушку Лиенны, либо фанатичные приверженцы древних обычаев в самом деле сочли его отречение предательством и кощунством. Уйлоанской империей никогда не правили женщины, а Иссоа, вдобавок, являлась носителем генетической мутации: она была ярко выраженной алуэссой – океанидой, способной воздействовать своим голосом на психику окружающих.

Его закололи ритуальным кинжалом во время священной церемонии у очага во дворце Уллинофароа, и он умер на руках у своей супруги Илассиа и в присутствии многих свидетелей – сестры Иссоа, ее жениха, доктора Элафа Саонса, моего мужа Карла Максимилиана, а также окружавших их высокопоставленных лиеннцев. Карл сумел быстро эвакуировать всю семью, включая умирающего или уже скончавшегося Ульвена, на «Гране», наш семейный корабль. Затем с помощью аисянского космолета «Улисс» все они вернулись на Тиатару. Конечно, везти с собой мертвое тело было невыносимо. Практичные аисяне, сопровождавшие «Гране» и обеспечивавшие техническую и финансовую сторону межгалактического перелета, не пошли бы на такие бессмысленные затраты. Ульвена кремировали прямо в космосе, а семье Киофар вручили потом лишь капсулу с прахом.

Я находилась в то время на Тиатаре, в доме семьи Киофар. Ульвен накануне отлета назначил меня Хранительницей своего очага (и тогда ко мне навсегда пристало это именование; с точки зрения уйлоанцев – чрезвычайно почетное). Мое присутствие не только обеспечивало порядок во всех помещениях, наполненных фамильными ценностями, но и создавало совершенно необъяснимую связь между сакральным пространством дома, мною – Хранительницей, и Ульвеном, моим учителем, главой семьи Киофар, верховным иерофантом и предполагаемым Императором. Нам-то с ним было ясно, почему он не мог выбрать на роль Хранителя или Хранительницы никого другого, кроме меня. Его родственники полагали, что он старался избежать возможных раздоров, ибо я, инопланетянка, заведомо не входила в число наследников. О таинственной нити, протянутой между нашими душами, знали только самые близкие – те, кто отправился с ним на Лиенну. Иссоа, Илассиа и Карл-Макс.

В тот момент, когда его убили, я проснулась как от удара, поскольку мгновенно почувствовала разрыв этой связи. Не могу передать словами, насколько мне было физически больно, и насколько жутко отзывалась в душе пустота, зиявшая там, где недавно пульсировало живое взаимное тяготение – сквозь огромные космические расстояния, вопреки всем законам материального мира. На уйлоанском такая связь обозначается выражением «сюон-вэй-сюон» и графически выглядит как лемниската – математический знак бесконечности.

По прошествии стольких лет нет смысла скрывать, что Ульвен любил меня, понимая, что никакой союз между нами, кроме сугубо духовного, невозможен. Он сделал всё для того, чтобы я была счастлива с Карлом, а потом постарался сделать счастливой свою супругу Илассиа.

Оправиться от утраты нам всем удалось не скоро, если вообще удалось. Память о лиеннской трагедии никогда не исчезнет, однако мы стараемся не говорить о тех событиях, особенно при наших детях.

Илассиа нашла утешение в спокойном дружеском браке с доктором Келленом Саонсом, отцом Эллафа. Сейчас у них двое детей: сын Лаон и дочь Оллайя. Сыну – шестнадцать, он скоро закончит школу, а девочке – шесть. Имена они получили в честь родственников: Лаон Саонс стал полным тезкой отца Илассиа, основателя уйлоанистики, а Оллайя названа именем первой жены Келлена, чрезвычайно доброй, милой и скромной, которая бескорыстно нам всем помогала и внезапно скончалась вскоре после получения достоверных известий об убийстве Ульвена.

У Иссоа и Эллафа Саонса – трое детей: наследник титула – Ульвен Киофар Саонс, дочь Файолла и младший сын, Эллаф Ульвен (по-семейному кратко – Элвен). Ульвену сейчас семнадцать, Файолле почти четырнадцать, а Элвену всего четыре.

Наша общая радость, гордость и отрада – юный Ульвен, музыкальный гений, которого мои два барона прозвали «уйлоанским Моцартом». Они оба его обучали игре на скрипке и на синтезаторе, внушали ему основы музыкальной грамоты, знакомили со всеми известными им выдающимися произведениями земных композиторов, а барон Максимилиан Александр стал наставником принца не только в искусстве, но и во многих прочих науках. Почти десять лет мой свёкр прожил в доме семьи Киофар, руководя воспитанием Ульвена. Не все предметы он преподавал ему лично, но составлял программы и контролировал их выполнение, подобно тому, как, будучи космоплателем, прокладывал в прежние годы пути к далеким мирам. В школу мальчика так и не отдали – он не укладывался ни в какие в привычные рамки. Когда Ульвен чего-то хотел, он добивался этого с невероятным упорством, даже если путь к результату лежал через тяжкий труд и рутинные упражнения.

Теперь юный принц завершил домашнее обучение по особой программе, куда входили, помимо музыки во всех ее видах, математика, астрономия, астрофизика, история, космолингвистика и словесность. Два последних предмета преподавали ему отчасти я, а отчасти Маилла – племянница его матери, моя подруга и хороший специалист, имеющая большой опыт работы со школьниками. Ульвен, как и покойный дядя, отлично разбирается в технике: водит флаер и электрокар, виртуозно владеет компьютером, знает, как устроены космические корабли разных типов, может сам починить домашнего робота.

Он еще не решил, кем он хочет стать. В своих композициях Ульвен использует и математические расчеты, и данные астрофизики, и электронику, и тексты на разных языках в любых сочетаниях.

Родители, императрица Иссоа и Эллаф, поддались на уговоры Ульвена и разрешили ему совершить путешествие по окрестным разумным мирам – ради пополнения знаний и ради демонстрации его изумительного таланта. В старину на Земле у знатных семейств существовал похвальный обычай – отправлять сыновей в познавательное путешествие, – гранд-тур, – для практического завершения школьного или домашнего образования. Сейчас такие поездки доступны не только детям магнатов, а маршруты охватывают и другие планеты. С Земли на Луну, например, возят даже экскурсии школьников, а студенты-стажеры летают едва ли не по всей Солнечной системе. Узнав об этом обычае от барона Максимилиана Александра, Ульвен захотел во что бы то ни стало отправиться в космос, и добился-таки своего.

Конечно, юноша полетел не один и не на каком-то чужом корабле. Гранд-тур уйлоанского принца осуществляется на легендарном «Гране» – космолете семьи Ризеншнайдер цу Нойбург фон Волькенштайн. Пилотируют «Гране» в этой поездке Карл-Макс и наша дочь Валерия –

Валли – которая прошла обучение в школе при космопорте и наработала опыт полетов на ближние расстояния – к орбитальной платформе над Тиатарой. Этот рейс станет ее экзаменом на должность второго пилота.

Вместе с Ульвеном отправились и другие участники его ансамбля, гордо названного «Созвездие» (по-уйлоански – «Соллайон»). Сам Ульвен – абсолютная суперзвезда: он играет на всех инструментах (иногда на нескольких сразу), поет, сочиняет музыку, делает аранжировки и импровизирует на любые темы. Примадонна – молодая жена моего брата Виктора, обладательница прекрасного голоса, выступающая под именем Афины Флорес. Ударник – тагманец Джарри, сын моего давнего приятеля Маттэ, выпускника Колледжа космолингвистики. Поскольку на «Гране» обычно летало шестеро, последнее место досталось астроному Ульффару Ниссэю – кузену принца Ульвена, сыну наших друзей Ассена и Маиллы Ниссэй. Помимо своей астрономии, Ульффар разбирается в музыке, особенно электронной, и выступает в составе «Созвездия», сидя за микшерным пультом.

Экспедиция «Гране» – не только познавательная и развлекательная, хотя в каждом новом месте принц Ульвен дает концерты, приспособив программы под вкусы публики. Для него не бывает «плохой» и «хорошей» музыки; всякая музыка, говорит он, по-своему хороша, когда звучит в подходящих условиях и в надлежащей манере. Из любой ерунды он умеет сделать шедевр. На Тиатаре он уже завоевал популярность, но всякому артисту хочется славы – если не вселенской, то в окрестных мирах.

Помимо этого, у «Гране» есть и научная программа (за нее отвечает Ульффар), и даже коммерческая. По поручению Межгалактического совета по научным связям разумных миров космолет забирает и доставляет грузы, требующие особых условий перевозки и аккуратного обращения. Не всякий транспортный космолет располагает такими возможностями.

«Гране» – очень надежный корабль, а маршрут проложен по хорошо знакомым Карлу Максу трассам: Ликанос – Гингосса – Виссевана – Сирона – Тиатара. Между всеми этими мирами существуют давние связи, и никаких сюрпризов не ожидается. Кураторов Межгалактического альянса заблаговременно известили о поездке принца Ульвена. Несмотря на отказ семьи Киофар от любых притязаний на власть, императорский титул Иссоа всеми признан, и наследник считается важной особой. Памятуя о трагической судьбе Ульвена-старшего, мальчика тщательно охраняют на каждой планете. В отличие от покойного дяди, который долгое время вообще запрещал называть себя принцем и тяготился своими регалиями, настаивая на обращении «профессор Джеджидд», и никак иначе, Ульвен-племянник нисколько не возражает против титула и даже гордится им – не кичится, о нет! – скорее, находит ребяческое удовольствие в обладании раритетом, который нельзя приобрести ни за какие деньги в целой Вселенной.

И теперь при словах «принц Ульвен Киофар» обитатели Тиатары сразу думают не о том, кто погиб на Лиенне, а о юноше, призванном сделать наш мир еще лучше, чем он есть сейчас. С гениями, конечно, общаться непросто, однако нынешнему Ульвену не свойственны ни заносчивость, ни капризность, ни вздорность. В детстве он был гиперактивным ребенком, совершенно не умевшим владеть своими порывами, но благодаря родителям и наставнику, барону Максимилиану Александру, Ульвен научился направлять потоки неистощимой энергии в творческое и интеллектуальное русло. А в обществе он ведет себя как хорошо воспитанный молодой человек – веселый, вежливый, дружелюбный, готовый поддержать любую беседу на нескольких языках. Он тоже зовет меня «госпожой Хранительницей», причем по-немецки – Frau Bewahrerin.

Ульвена-младшего все мы любим ничуть не меньше, чем когда-то любили Ульвена-старшего. И эта любовь уже не проникнута болью и горечью. Впрочем, и о погибшем мы теперь вспоминаем без тяжелого чувства вины и раскаяния. Мне, допустим, каяться перед учителем не в чем – я честно исполняла свой долг, и даже успела сердечно обнять его на прощание

(единственный раз за всё время наших непростых отношений). Но Иссоа не в силах забыть, что брат погиб из-за нее – говорил же он нам о готовности полететь на Лиенну только ради сестры, и отнюдь не затем, чтобы сделать ее императрицей, а затем, чтобы обеспечить ей право выйти замуж за Эллафа Саонса, скромного доктора, сына хирурга и медсестры, которого тиатарские уйлоанцы считали неровней принцессе-наследнице.

Поскольку смерть и горе остались в далеком прошлом, мы предпочитали наслаждаться радостным настоящим и верить в счастливое будущее.

Неужели теперь всё рухнет?

Ночной пассажир

Все эти мысли и воспоминания вихрем пронесли в моей голове, пока я спешно приводила себя в порядок.

Я приняла душ, оделась, выпила чашечку крепкого кофе, пошла в свой директорский кабинет, заняла привычное кресло – и решительно набрала код барона Максимилиана Александра.

– Расскажите мне по порядку, что случилось, – попросила я внешне спокойным голосом.

– В приземлившемся этой ночью космолете с Окуды оказался пассажир, назвавшийся именем Ульвен Киофар. Я не стал вас будить, в ближайшие дни он останется в карантине, в отдельном боксе. Но у сотрудников таможенно-визового контроля не нашлось оснований не позволить ему войти в космопорт.

– А у вас? Ведь вы – их начальник?

– Они действовали по инструкции, я не мог отступить от правил.

– Он прибыл не в биокапсуле?

– В капсуле. Но, поскольку случай из ряда вон выходящий, его привели в сознание на орбитальной станции, где космолет дождался разрешения на посадку. Служащие заподозрили ошибку или подлог и пожелали поговорить с пассажиром лично. Его пробудили, выждали нужное время и устроили ему предварительный... хм... допрос. Убедившись, что он – это он, переправили на Тиатару для прохождения прочих формальностей.

– То есть он предъявил документы? Интересно, какие же?

Мы отлично знали, что подлинное удостоверение личности принца Ульвена Киофара Джеджидда – титановый медальон с записанной внутри него информацией – аннигилировали после его подтвержденной смерти. Так делается всегда и везде во избежание злоупотреблений. Конфиденциальные сведения, правда, остались в суперсекретном хранилище Межгалактического альянса, но никто не мог получить к ним свободный доступ по сговору с каким-нибудь алчным или нерадивым сотрудником: архивами ведает неподкупный искусственный интеллект, обмануть который не стоит даже пытаться. Покушение на взлом хранилища карается очень строго, а получить к нему легальный доступ можно лишь в особо оговоренных случаях после длительной и дотошной проверки.

– Он заявил, что удостоверение личности оказалось утраченным вследствие несчастного случая, и представил обычный биометрический паспорт. Поскольку учетные данные безупречно совпали с теми, которые записаны в памяти компьютера нашего космопорта. ...

– Но... как?!..

Тут нужно еще одно пояснение. Системы учета в космопорте подразумевают хранение сведений обо всех посещавших Тиатару гостях, пока они живы. Данные об умерших стираются. Таковы законы и правила. Эти данные – не просто имя, происхождение, раса, вид, род занятий, звание и цель путешествия. В карантинной зоне делают максимально подробный биоанализ и психограмму. Я сама проходила через все процедуры, не всегда приятные, но необходимые при перелете в транскамере.

– Юлия, мне самому непонятно, почему результаты оказались не удаленными. Однако факты неоспоримы. Для компьютера космопорта Ульвен Киофар Джеджидд странным образом – жив. Вероятно, по чьей-то оплошности. Вы же помните, что наш друг с юных лет неоднократно летал в межпланетные командировки. Я сам познакомился с ним на Гингоссе, потом были Орифия и Арпадан, защита докторской диссертации на Висеване, позже – ваш геройский полет на Сирону... Даже если после злополучного путешествия на Лиенну результаты его последних анализов, необходимые для идентификации личности, были стерты, как пред-

писывалось инструкцией, то более ранние уцелели. Полагаю, сотрудники, занимавшиеся формальностями, тоже были настолько потрясены гибелью принца Ульвена, что просто забыли уничтожить данные за все прошлые годы. Впрочем, биометрическая информация сохранилась и в разных других местах: в медицинском центре Тиастеллы, в лаборатории доктора Фатимы Сантини-Рунге на Арпадане, в космопорте Лиенны.

– А не могла ли нынешняя экспертиза оказаться неверной?

– Увы, нет. Анализы были сделаны заново и экстренно обработаны. Уже здесь. Сейчас.

В карантине. Расхождений не обнаружено.

– Не может быть! Я не верю, барон, в воскрешение мертвых.

– Я тоже, Юлия, хотя в детстве меня наставляли в христианской религии.

– Значит, клон?

– Возможна совсем безумная версия: аисяне с «Улисса» не уничтожили тело Ульвена, а зачем-то его сохранили, и потом отыскали некий способ его оживить. Лично я не склонен так плохо думать об аисянах, они никогда не нарушают законов. Ни всеобщих, ни местных. Иначе Межгалактический альянс давным-давно бы распался.

– Но откуда бы взяться клону? Мы же знаем, что во всех соседних мирах клонирование разумных существ запрещено.

– Его могли клонировать там, где такого запрета нет. Или в тайной лаборатории, созданной вопреки всем запретам.

– Кто и зачем это мог бы сделать?

– Не знаю, Юлия. Нам предстоит это выяснить. Видимо, нужно поставить в известность руководство Межгалактического альянса.

– Конечно. Это входит в мои прямые обязанности. Я немедленно свяжусь с кем-то из координаторов.

– Пока... симулякр... пребывает на карантине, у нас есть время. Он нуждается в физической реабилитации, сейчас он даже не в состоянии нормально двигать конечностями.

– А потом? Вы выпустите его на свободу?

– Если не найдется оснований задерживать его в закрытой зоне или депортировать с Тиастары.

– Вы... говорили с ним?

– Да.

– Он узнал вас?

– Нет. Вернее, не сразу.

– Настоящий Ульвен узнал бы! Даже через стекло или глядя в экран!

– Когда я представился, он вспомнил мое имя и вежливо попросил прощения за то, что не сообразил, кто я такой – дескать, я изменился.

– Не так уж сильно, – возразила я.

– Подозрительнее всего, дорогая Юлия, что мнимый Ульвен ныне выглядит примерно так же, как прежний. Как будто бы не прошло восемнадцати лет.

– Вы общались с ним на немецком?

– Да. Преднамеренно.

– И?..

– Языком он владеет. Может быть, не так хорошо, как когда-то.

– Голос?

– Тот же. Или, по крайней мере, похожий. Но после длительного перелета речевой аппарат, вы сами знаете, приходит в норму не сразу. Вам бы лучше самой побеседовать с ним.

– Нет!!.. Увольте, только не это!!..

– Но, Юлия...

– Да, простите, барон, я веду себя глупо, как нервная барышня... Конечно, мне необходимо самой разобраться с этой безумной историей прежде, чем впутывать в нее родственников. Он... не спрашивал обо мне?

– И о вас, и о членах семьи Киофар.

– Вы объяснили ему, какова сейчас ситуация?

– Я говорил весьма обтекаемо. Все живы, здоровы и благополучны. Кроме старшей сестры, госпожи Ильоа Сеннай. Она, объяснил я, скончалась лет девять тому назад.

– Он хочет увидеть всех нас?

– И даже настаивает на этом.

– Ну, естественно, для чего бы еще лететь на Тиатару...

– Целью его приезда, зафиксированной в опросной анкете для прибывающих, названо «восстановление своих семейных и имущественных прав после надлежащей идентификации личности».

– O mein Gott! – только и могла я сказать. – Боже мой...

Юридическая консультация

Перепоручив текущие дела заместителю и секретарю, я заперлась в кабинете и зажгла над дверью табло *«Не входить. Межпланетные переговоры»*.

Первое сообщение – всем окрестным кураторам и координаторам.

Очень хотелось бы поговорить сейчас с кем-то из тех, кто хорошо знал и помнил Ульвена. Впрочем, таких набралось бы столько, что их не вместил бы даже актовй зал нашего Межгалактического университета. Мой учитель снискал себе поистине вселенскую славу. Многих студентов, учившихся у него, на Тиатаре давно уже нет, они разлетелись по разным мирам, унося с собой воспоминания о знаменитом профессоре Джеджидде, который был строг и язвитель, зато сделал из них настоящих космолингвистов.

Профессор Уиссхаиньщц, насколько я поняла, знал Ульвена едва ли не с детства, следил за развитием его необычайных талантов, работал бок о бок в Колледже космолингвистики, был вместе с ним со-ректором нашего университета, а под конец они стали в какой-то мере друзьями, если только смертное существо способно дружить с аисянином. Уважая Ульвена, профессор Уиссхаиньщц начал благосклонно относиться и ко мне, его ученице и, как многие думали, «фаворитке». Но Уиссхаиньщц давно улетел в качестве куратора на Лиенну, и связаться с ним напрямую с Тиатары практически невозможно. Ретрансляторы передают только закодированные текстовые сообщения, да и то с огромными паузами. На всякий случай я всё же отправила новость Уиссхаиньщцу, попросив, если он сочтет это важным, ответить мне поскорее.

Межпланетная связь, даже ближняя, происходит не моментально. Придется сидеть у монитора и ждать.

Успокоившись и войдя в рабочий ритм, я принялась составлять план действий.

Первое: получить указания от представителей Межгалактического альянса. Второе: срочно прояснить юридический статус клонов в подвластных Альянсу мирах. Третье: если придется устанавливать личность пришельца, собрать экспертную комиссию, состоящую как из родственников и ближайших друзей Ульвена, так и из видных специалистов, способных вывести самозванца на чистую воду.

Разумеется, первая в списке – я сама. Уклониться я не могу, коль скоро Ульвен назначил меня Хранительницей дома семьи Киофар, а теперь я занимаю должность Хранительницы Тиатары. Далее: конечно, барон Максимилиан Александр. С ним проще – он уже контактировал с двойником, и ему не занимать мудрости и хладнокровия.

Родственники...

С ними будет труднее всего.

Я совсем не могу представить себе, как отреагируют на встречу с двойником Ульвена самые близкие: сестра и жена.

Иссоа – императрица. Она – глава семьи Киофар, верховная иерофантесса, мать наследника, пользующаяся безусловным авторитетом у всей уйлоанской общины на Тиатаре, включая даже тех, кто не склонен к соблюдению древних обычаев и не придает значения титулам. Императрица ничем не правит. Она – существует. И каждый уйлоанец знает, что в случае крайней необходимости он может обратиться к Иссоа, и она непременно откликнется и постарается помочь. У нее есть признанное властями право вершить свой суд, если стороны тяжбы того пожелают и заранее согласятся выполнить вынесенное решение. Уголовные дела – вне ведения императрицы. Она занимается в основном улаживанием семейных конфликтов и споров имущественного характера. Но обычно к Иссоа приходят с сугубо частными жалобами и просьбами, не требующими формального разбирательства. Несправедливый раздел наслед-

ства, принуждение к браку, обиды детей на родителей или наоборот, отсутствие средств на лечение, потребность в рекомендации для устройства на важную должность... Иногда достаточно вразумляющего разговора, иногда – записки к должностному лицу, иногда – небольшой суммы денег или звонка в благотворительный «Фонд Киофар». Некоторых просителей принимает Эллаф Саонс, супруг и помощник Иссоа. Добротой императрицы стараются не злоупотреблять, хотя в обычном общении Иссоа необычайно мила, обходительна, вежлива и деликатна. Но всем уйлоанцам известно, что Иссоа – алуэсса, способная, если ее разгневать, войти в заклинательный транс и довести окружающих до потери рассудка. Каким образом это может происходить, мы все наблюдали воочию. Пережить повторение не хотелось бы никому. Не случится ли у нее очередной нервной срыв при виде воскресшего двойника? Между тем без Иссоа решить его участь не получится.

Илассиа... Она давно уже замужем за доктором Келленом Саонсом и приходится мачехой Эллафу и свекровью императрице. Наверное, Келлена она тоже по-своему любит, коль скоро родила от него двух детей, Лаона и Оллаю. Однако все мы, включая самого доктора Келлена, знаем, что Ульвен для нее значил всё. Ради него она совершала немыслимые поступки. Ульвен колебался сделать ей предложение отчасти из-за упрямства, а отчасти из-за подозрений, будто Илассиа видит в нем лишь мифического «звездного императора» и влюблена в свои собственные мечты о короне императрицы. Но нет, она любила его безо всякой корысти. Когда стало ясно, что у них не будет детей, и он решил отречься от титула в пользу Иссоа, Илассиа полностью поддержала его. Ей был нужен он сам, а не титул. Потеряв любимого мужа и утратив, как ей казалось, смысл жизни, она впала в такое отчаяние, что пыталась покончить с собой. Доктор Келлен Саонс вернул ее из небытия.

Что с ними будет, когда они встретят существо, в точности повторяющее Ульвена?..

Но без Илассиа обойтись нельзя. И без доктора Келлена тоже. Он руководил процессом нашего с учителем физического восстановления после экспедиции на Сирону. А потом Келлен Саонс организовал взятие биологических образцов всех членов семьи Киофар для отправки на Арпадан, в лабораторию Фатимы Сантини-Рунге – там-то и установили наследственную связь императорской семьи с алуэссами и уникальную генетическую мутацию, носителем которой оказалась Иссоа. Доктор Саонс давно уже не заведует медицинским центром Тиастеллы и не практикует как врач, но мыслит по-прежнему четко и способен дать профессиональную консультацию по любому вопросу. Другое дело, что Келлен уже в очень почтенном возрасте, и, хотя он выглядит не как ветхий старик и следит за своим здоровьем, потрясение может его подкосить...

Пожалуй, сначала мне следует поговорить с Маиллой Ниссэй. Мы по-прежнему дружим семьями, но часто встречаться не получается: она со своим мужем Ассеном, профессором астрономии, живет в Севайе, рядом с обсерваторией. Маилла больше не преподает, у нее на руках пожилая свекровь, госпожа Вианна, и дочь-подросток – Иланна, которой семнадцать лет, и нужно думать, чем она займется по окончании школы. Сыновья-близнецы уже выросли; Ульффар, астроном, как я уже говорила, отправился в экспедицию на «Гране», а Массен, астрофизик, защитил магистерскую диссертацию и работает в центре физических исследований при Тиатарском университете.

Маилла всегда отличалась завидным здравомыслием в сочетании с чувством юмора. Она практически выросла в доме семьи Киофар, приезжая в гости на каждые выходные. С Иссоа они близки как сестры, и обеих Ульвен любовно воспитывал, развивая в Иссоа музыкальный талант, а в Маилле – способности к космолингвистике. В ученицы, правда, он ее взять отказался, чтобы не проявлять к близкой родственнице ни снисходительности, ни излишней придирчивости. Это позволило им сохранить очень теплые отношения: они общались на «ты», и она называла его «Ульвен» или «дядя» (я – поначалу только «магистр Джеджидд», затем – «профессор» и, наконец, – «учитель», и непременно на «вы»). В отсутствие Ульвена, Иссоа и

Илассиа обязанности главной иерофантессы семьи Киофар и всей уйлоанской общины исполняла Маилла, совершенно чуждая мистике. Но, будучи крайне ответственной и понимая культурную ценность старинных обрядов, она отнеслась к своей миссии с надлежащим тщанием и пиететом, а большего от нее и не требовалось.

С Маиллой мне, вероятно, будет легче, чем с прочими. Значит, из всех родственников Ульвена первой я поставлю в известность ее, и мы вместе придумаем, как рассказать о неожиданном пришельце Илассиа и Иссоа.

Есть еще и моя семья. Карл и Валерия сейчас в экспедиции, но дома мой папа, мой брат Виктор и дочь Лаура. Правда, Лаура и Валерия были маленькими, когда учитель погиб, однако они иногда вспоминают о нем. Их нисколько не смущала нечеловеческая внешность «дяди Ульвена», они прежде всего ощущали его доброту и любовь, которую он, не имея своих детей, изливал на моих двойняшек. Виктор тогда немного дичился Ульвена – брат не очень понимал моей странной привязанности к учителю-инопланетянину, но, став взрослее и многое осознав, проникся к нему уважением как к настоящему другу всей нашей семьи. Папа был благодарен Ульвену за всё, что он сделал для меня и для нас, однако держался с ним более отстраненно, чем барон Максимилиан Александр, гордившийся своей дружбой с принцем.

Пожалуй, с папой я посоветуюсь в первую очередь. Он много лет проработал на очень важных и ответственных должностях: начальник визовой службы на станции «Энцилад-Эврика», консул Земли на Арпадане, мэр Витановы, преподаватель межгалактического права в Тиатарском университете...

Я решительно набрала его код.

– Юленька, ты домой вообще собираешься? – спросил папа после приветствия.

– Не могу, – покаянно призналась я. – Обстоятельства таковы, что мне, вероятно, придется пока оставаться тут.

– Случилось что-нибудь?..

Я кратко пересказала ему свой разговор с бароном Максимилианом Александром. Да, скорее всего, к нам заслали точную копию Ульвена Киофара. Откуда – предстоит еще выяснить, маршрут чрезвычайно запутанный. Устроители этой интриги просчитались лишь в том, что двойник похож на Ульвена, каким тот был восемнадцать лет назад. Впрочем, я еще не видела двойника, видел только барон, да и то через монитор. Мы не знаем, кто и зачем это сделал. Отсюда вести настоящее расследование невозможно, пусть им займутся представители Межгалактического альянса. Мне важно выяснить правовую ситуацию, в которой мы все оказались. Да, я уже заглянула в разные справочники, но ясности в моей голове не возникло. Сумбур и в мыслях, и в чувствах.

– Папа, как поступить?..

– Ох... Юленька, я же предупреждал тебя, что лучше было бы не принимать назначение...

– Поздно, папа. Я – Хранительница. Подать сейчас в отставку немислимо. Это подло, нечестно и недостойно всех нас. Я – должна. И я справлюсь.

– Понимаю, родная.

– Так что бы ты мне посоветовал?

– Я могу тебе обрисовать картину с точки зрения юриспруденции. Самое главное: по законам Межгалактического альянса в данной части Вселенной клонирование разумных существ строго запрещено. Это касается и Тиатары.

– Я знаю. А есть ли миры, где такие эксперименты разрешены?

– Есть, но они находятся в отдаленных от нас галактиках. И, как правило, изолированы от соседей. Просто так туда не долетишь. Я чуть позже пришлю тебе справку, чтобы ты не тратила время на поиски; наизусть все названия не припомню. Некоторые из тех миров не входят в Межгалактический альянс и живут по своим собственным правилам. Другие, очень немногие,

входят, однако при вступлении заключают и ратифицируют соглашение о соблюдении законов Альянса за пределами собственной юрисдикции. То есть клонировать жителей тех планет по местным законам разрешено, но нельзя делать это где-либо еще или применять свои технологии по отношению к инопланетным организмам, – неважно, разумным или неразумным.

– А зачем такая оговорка насчет разумности и неразумности?

– Затем, что в других мирах, входящих в Альянс, включая нашу Землю, допускается клонирование исключительно неразумных существ, перечень которых устанавливается каждый раз индивидуально на основании принципов биоэтики. Существо, признанное неразумным, не имеет юридических прав, поэтому здесь не возникает проблем передачи имени и фамилии, титула, собственности, наследства и прочих важных элементов социальной организации. У животного может быть генетический паспорт, родословная, кличка, ареал обитания, нора, дупло, вольер или будка – но оно мало чем отличимо от других животных того же вида и не обладает развитым самосознанием. Более того, даже у высокоразвитых млекопитающих половозрелая особь, как правило, утрачивает связь с родителями и сиблингами, и тут не стоит вопрос о «подмене» члена семьи. Поэтому клонирование не причинит никаких неудобств и не вызовет социальных проблем. Иногда оно позволяет спасти вымирающий вид или быстро нарастить популяцию, необходимую для выживания колонистов.

– Следовательно, какие-то лазейки в законах отыскать при желании можно?

– Видимо, да. Если в какой-то галактике неразумными существами считаются гомо сапиенс или все прочие гуманоиды, то... сама понимаешь, какие могут возникнуть последствия.

– В свое время Карл, помнится, предлагал мне найти такой мир, где за большие деньги и с соблюдением полной секретности согласились бы клонировать кого-то из нас, чтобы у нас были дети... Разумеется, я отказалась. И тогда же эту идею отверг Ульвен. Мы разговаривали втроем, и он заявил, что для него такой выход категорически неприемлем ни с моральной, ни с физической стороны.

– Он как будто предчувствовал нынешний казус со своим двойником.

– А что закон говорит насчет уже существующих клонов? Мы вправе вернуть его туда, откуда он взялся, не допуская на Тиатару?

– Юленька, тут тоже всё крайне непросто. Если точно установлено место происхождения клона, то депортировать его в исходный пункт, разумеется, можно. Однако, скорее всего, организаторы этой мерзкой истории постарались запутать следы.

– Барон говорит, что он прибыл с Окуды.

– Там огромный транспортный хаб. Рейс, я думаю, был транзитным. Клон вряд ли знает подробности. Его могли изготовить в одном месте, довести до ума в совершенно другом, а переправить сюда по цепочке из нескольких межпланетных этапов. Ты же отлично знаешь, как это происходит, когда маршрут составляется мастерами хронавтики – пассажиры в своих биокамерах понятия не имеют, какими извилистыми путями в пространстве и времени их доставляют в пункт назначения.

– Хорошо. Почему тогда Тиатара, а не Лиенна? *Qui prodest?* Кому оно выгодно? Ведь это лиеннцы хотели иметь императора?

– Да. Законного. Другого Межгалактический альянс никогда не признает. Поэтому требуется подтвердить его личность.

– Но Ульвен был убит при свидетелях! Факты неопровержимы!

– Лиеннцы не располагают бесспорными сведениями, скончался он или нет. Они видели сам момент покушения, и видели, как Ульвен упал на руки жены и сестры. Карл и Эллаф забрали его и немедленно переместили на «Гране». Вероятно, возникла гипотеза, будто всемогущие айсяне сумели спасти Ульвена или даже воскресить умершего при помощи своей чудодейственной техники.

– Эллаф лично констатировал смерть. Он врач. И вряд ли бы аисяне стали экспериментировать с трупом, а потом обманывать родственников Ульвена, вручая им капсулу с прахом.

– Всё равно остался зазор для сомнений. И кто-то этим воспользовался, внушив клону желание овладеть всем тем, что принадлежало Ульвену. Именем. Домом. Семейей. Состоянием. Титулом. Речь идет не просто о восстановлении документов, а о власти над Лиеннской империей.

– Папа, что делать?!.. Выслать его, как я поняла, невозможно, пока мы не обнаружим то место, откуда он взялся. И ни одна планета не допустит его на свою территорию без одобрения личности. Кстати, я забыла спросить у барона: с какой стати такого субъекта должна принимать Тиатара?

– Юленька, это элементарно. Подумай сама.

– Ох, прости, я от потрясения всё ещё плохо соображаю! Конечно, настоящий Ульвен здесь родился, и если цель двойника – подтвердить свою идентичность, то кроме Тиатары ему деться некуда. Только сюда он мог прилететь с простым биопаспортом.

– Именно так, дорогая моя. Подобные казусы предусмотрены межгалактическими законами и соглашениями. Нередко случается, что кого-то считают погибшим и аннулируют записи во всех реестрах, а потом вдруг обнаруживается, что он жив. Тогда у мнимого умершего возникает право на восстановление документов и на денежную компенсацию всех затрат, связанных с этим процессом. Как правило, требуется путешествие на родную планету – даже если там уже не осталось кровных родственников или близких знакомых, сохранились архивные сведения, в том числе медицинские карты, начиная со дня рождения.

– То есть, иными словами, мы обязаны после прохождения карантина выпустить двойника на свободу. И позволить ему перевернуть всю жизнь семьи Киофар с ног на голову. Папа, я не хочу, не могу!..

– Вы должны доказать, что он – клон.

– Но это ясно и так.

– Юридически – вовсе нет. По всем физическим параметрам, он действительно Ульвен Киофар.

– Я не позволю какому-то биороботу разрушить счастье самых дорогих мне людей.

– Юленька, ты забываешь, что уйлоанцы – не люди.

– Для меня это никогда не имело значения!

– Я хотел лишь сказать, что они во многом мыслят иначе, чем мы. Может быть, они воспримут эту историю не так остро и не так болезненно.

– Как же!.. Они умеют казаться спокойными, да. Не рыдают и не хохочут. А на самом деле там бушуют такие страсти, какие многим людям даже не снились...

– Надеюсь, до кровопролития у них не дойдёт.

– Папа, мне самой хотелось бы вычеркнуть из реальности нынешний день. И уничтожить монстра, притворяющегося Ульвеном. Но я знаю, что рука не поднимется. Я – Хранительница. Не убийца.

– Значит, действуй строго в согласии с этикой и законами.

– Спасибо тебе! Ты мне очень помог.

Куратор

Только папа успел отключиться, как загорелся сигнал межпланетной связи.

На экране замерцал силуэт аисянина, имя которого высвечивалось как «*Пшшассийщиц*». Я судорожно попыталась прочесть и запомнить по буквам, но вдруг меня осенило: это тот самый Пшшасс, с которым мы виделись очень давно в штабе сил Межгалактического альянса над Сироной. Надо же, мне было тогда девятнадцать лет... А теперь у меня двое внуков, хотя я совершенно не чувствую себя настоящей бабушкой.

– Приветствую вас, старейший наставник Пшшассийщиц, – произнесла я на аисянском.

– Приветствую вас, госпожа куратор Цветанова-Флорес, – ответил он на космолингве. – Вы можете называть меня Пшшасс. Так удобней для всех.

– Куратор?!..

– Отныне вы обладаете всеми правами и обязанностями куратора Тиатары. После разрешения кризиса, по обстоятельствам, вы сможете остаться в этом ранге или вернуться к привычной вам должности Хранительницы. Я в данный момент – координатор, и связь вам будет удобнее держать прежде всего со мной.

– Понятно, координатор Пшшасс.

– Мы получили ваше сообщение. Информация доведена до сведения всех, кто может помочь в расследовании инцидента. Расследование на межгалактическом уровне мы берем на себя. В вашей компетенции – действия должностных и частных лиц на вверенной вам планете. Вы успели что-нибудь предпринять, куратор Цветанова-Флорес?

– Я составила список тех, кого следует привлечь для установления истины. И выяснила некоторые правовые вопросы. Насколько я поняла, мы сейчас не можем выслать подозреваемого субъекта за пределы Тиатары, поскольку неизвестно, откуда он прибыл.

– Именно так, госпожа куратор. Этим сейчас занимаются наши сотрудники. Я координирую их работу. У меня пока нет информации о каких-либо результатах.

– Скажите, господин координатор, а вправе ли мы удерживать существо, именуемое себя Ульвеном Киофаром, внутри запретной зоны тиатарского космопорта, пока длится ваше расследование?

– Срок его пребывания там определяется сроком обязательного карантина и восстановительных процедур. По закону, он, как разумное существо, имеет те же права, что и все остальные. Если сам он не совершил преступления, то нет оснований содержать его в изоляции дольше, чем предписано правилами. Каждый день пребывания в карантине стоит денег, которые, как вы знаете, поступают из планетарного фонда. Вы уже говорили с прибывшим?

– Нет, господин координатор. Еще не успела.

– Я понимаю, госпожа Цветанова-Флорес, насколько вам трудно. У меня сохранились самые лучшие воспоминания о вашем покойном учителе. Но, если копия совершенно расходится с оригиналом, вы сможете быстро обнаружить подделку.

– И тогда?..

– Тогда вам придется принимать то или иное решение в условиях законодательной неопределенности.

– Да, я уже поняла. На Тиатаре запрещено клонирование разумных существ, но нет закона о запрете присутствия на планете уже существующих клонов. Никто не подумал, что такое однажды случится. Мы можем безотлагательно собрать Планетарный совет и принять необходимый закон, но...

– Согласно межгалактическому праву, никакой закон не имеет обратной силы, – напомнил Пшшасс. – Вам придется искать другой вариант.

– Ну, не уничтожать же его? – горестно усмехнулась я.

Аисянин не понял моей иронии и напомнил на полном серьёзе:

– Кураторы не должны совершать преступлений, потворствовать им, покрывать их или внушать обитателям планеты мысли о допустимости действий, подлежащих уголовному наказанию и моральному осуждению.

– Разумеется, господин координатор, мне хорошо известно, к чему могут привести отступления от общепринятых норм поведения со стороны сотрудников Межгалактического альянса. Я вообще не склонна к насилию. И поскольку я космолингвист и переговорщик, то мое оружие – ум и язык.

– Мы все возлагаем большие надежды на ваши дипломатические способности, госпожа куратор Цветанова-Флорес. Обращаться за помощью вы можете в любое время, я буду на связи.

– Да хранит вас вечность, старший наставник Пшшассиайщщ, – завершила я разговор торжественной аисянской формулой вежливости.

Ну и ну.

Я – куратор.

Когда-то эта высокая должность казалась мне совершенно недостижимой. Но я же видела коллегу Уиссхаиньщца в действии, и я общалась с другими кураторами планет. Ничего сверхъестественного. Меня повысили, чтобы придать мне должные полномочия, которыми не обладает Хранительница. Наверное, руководство космопорта, Планетарный совет и специальные службы уже оповещены.

Ага, я вижу поток сообщений: «Госпожа куратор Цветанова-Флорес, ожидаем распоряжений»... «Госпожа куратор, рады вашему назначению»... «Госпожа куратор, приветствуем вас»... Теперь я, если потребуется, смогу запретить все полёты, приказать досматривать все прибывающие космические суда, установить особый режим на дорогах, поднять по тревоге спасателей...

Но ни в чем подобном пока нет необходимости. Тот, из-за кого случился весь переполох, коротает дни в изоляторе космопорта, передвигается только в кресле-коляске, регулярно сдает анализы, упорно именует себя Ульвеном Киофаром Джеджиддом и настаивает на скорейшем свидании с родственниками.

До чего же мне скверно. Даже слегка подташнивает. Вероятно, просто из-за того, что я до сих пор не позавтракала.

Я вызвала своего помощника по административным делам, тагманца Сэргэ (про себя я зову его «Сергеем»). Попросила принести мне прямо сюда, в кабинет, чай с бодрящими травами и какую-нибудь еду, не обязательно из ресторана. Да, я очень занята и должна быть всё время у монитора.

«Через пять минут завтрак будет у вас, госпожа Хранительница», – с готовностью отозвался Сэргэ. У меня не достало духу поправить: «...госпожа куратор».

Еду доставили из соседнего студенческого кафе в картонном боксе и картонном стаканчике. Всё незатейливо, но сытно и вкусно. По желудку разлилась блаженная теплота, и на душе стало чуть полегче. Как же сильно мы зависим от физиологии.

Приободрившись, я позвонила Маилле Ниссэй.

– Юлия, рада тебе! – отозвалась она. – Ты по делу, да?

– А ты уже что-нибудь знаешь?

– О чем?..

Мне пришлось рассказать ей кошмарную новость и поделиться мыслями, высказанными бароном Максимилианом Александром и моим папой.

– Ионнай!...

На уйлоанском это восклицание значит «утонуть-захлебнуться», что можно нейтрально перевести как «ну и ну».

Она тоже оторопела. Но пришла в себя чуть быстрее, чем я. И решительно заявила:

– Ладно. Я согласна поговорить с этим типом. Когда это можно устроить?

– Дистанционно – когда угодно. Тебе не нужно лететь в космопорт. Но лучше, если всё-таки мы соберемся втроем у меня – ты, я и барон Максимилиан Александр. Разговор с двойником, естественно, будет записываться и анализироваться.

– На детекторах?

– В том числе. А потом мы поговорим по душам, уже без аппаратуры.

– Понятно. Назначь, пожалуйста, время, чтобы я успела добраться к тебе в Тиамун.

– Я позвоню, как только договорюсь с бароном. Он сдаст дежурство и прилетит сюда. Но ты можешь прибыть пораньше, если получится.

– Да. Сейчас вызову флаер. Нужно ли рассказать Ассену?

– Решай сама. Но более – никому.

– Хорошо, дорогая. Жди.

Свидание

Прошло три с лишним часа прежде, чем мы сумели собраться в моем кабинете. Барону Максимилиану Александру требовалось хоть немного поспать после столь напряженной ночи. Обычно дежурства проходят гораздо спокойнее, ведь не каждый раз прибывают ночные рейсы. Иногда в космопорте почти нечего делать, и можно мирно дремать в мягком кресле у пульта начальника.

Чтобы не тратить время попусту и направить свое нарастающее возбуждение на полезные дела, я успела провести совещание сотрудников Института (обсуждали новый спецкурс по истории Тиятары), принять зачет у историков-первокурсников и проверить работы студентов Колледжа космолингвистики в семинаре по поэтическому переводу – я продолжаю вести его в память об учителе, хотя из меня-то поэт никакой.

Когда на пороге появилась Маилла, она первым делом спросила: «Юллаа, ты останешься в таком виде?»... – «Чем он плох?» – «Ну, взгляни на себя!»... Маилла, как настоящая аристократка, всегда придавала большое значение внешности и нарядам. Даже в нынешнем зрелом возрасте ей нравится выглядеть привлекательно и немного кокетливо – разумеется, в меру, чтоб не казаться смешной. Ее любимые тона – розоватые, дымчатые и лиловые; за модой она не гонится, но ткани всегда дорогие, а крой довольно затейливый.

Я же, когда мне не нужно на светский прием или торжественное собрание, ношу повседневное серое платье, немаркое и немнущееся, или темные брюки и однотонную блузу. Помоему, нехорошо директору научного института и вдобавок Хранительнице целой планеты потешать окружающих экстравагантностью одеяний – я же не Лори Кан.

По совету Маиллы я всё-таки распустила волосы, уложила их феном, чуть подкрасила веки, достала из шкафа темно-красный костюм и надела на шею кулон с сиронским топазом – подарком Карла. Этот камешек я считаю своим талисманом.

«Вот теперь совершенно другое дело!» – похвалила Маилла. – «Ты же дама! Красивая и вполне еще молодая».

«Мы как будто с тобой собрались на свидание», – усмехнулась я.

«А разве нет?» – отозвалась она с неким вызовом. – «Неужели нам лучше было бы ощущать себя какими-то унылыми болотными кваррами?»..

Вероятно, она права. Мой настрой сразу стал куда более боевым, чем с утра, когда мне казалось, что я увязаю в трясине времен, и меня засасывает в омерзительную дурнопахнущую черноту, из которой нам всем не выбраться.

Вскоре прибыл барон Максимилиан Александр, облаченный в строгую синюю форму начальника космопорта. От кофе он отказался: «Потом, дорогая Юлия, если будет время и настроение!»

Мы расположились у монитора – я в центре – и вызвали на видеосвязь того, кто пытался выдать себя за Ульвена.

Техника в кабинете позволяла создать почти полный эффект физического присутствия собеседника.

Перед нами в кресле-коляске сидел настоящий Ульвен Киофар. Иллюзия оказалась настолько достоверной, что первым побуждением было кинуться ему навстречу со счастливым воплем: «Учитель!! Вы!! Наконец-то!!»..

Естественно, я ничего такого не сделала.

Все мы некоторое время напряженно разглядывали друг друга.

«Нет. Не он», – прокатилась по сердцу волна отрезвляющего холода. Чувства выключились и включился разум.

Настоящий Ульвен старше меня на тринадцать лет. Сейчас ему было бы около шестидесяти. А этот – мой сверстник или даже помладше.

Ну да, парадоксу можно найти естественное объяснение. На далеких планетах время идет с другой скоростью. Вдобавок существуют техники омоложения и регенерации. Мы с Маиллой тоже не тянем на свой нынешний возраст, нам можно дать тридцать пять – тридцать шесть, и вовсе не из-за косметических ухищрений.

– Моя Юлия, рад вас видеть столь великолепно расцветшей, – обратился пришелец ко мне на изысканном уйлоанском. – Дорогая Маилла, спасибо, что согласилась поговорить со мной. Ты, как всегда, превосходно выглядишь. Барона Максимилиана Александра я уже имел честь сегодня приветствовать.

Выражения были его, тембр – похож, но что-то меня настораживало и коробило. Я еще не могла понять, что именно.

– А где мои остальные родственники? – как ни в чем не бывало, спросил двойник Ульвена. – Я хотел бы встретиться с ними как можно скорее. Ради этого им вовсе не нужно прилетать в космопорт, не так ли? В моем кабинете, насколько я помню, стояла прекрасная аппаратура. Я бы сам не преминул связаться отсюда с моей любимой сестрой, но меня лишили принадлежащего мне устройства.

– Ваш девайс находится на проверке, – пояснил барон Максимилиан Александр. – Его отдадут вам, когда вы покинете особую зону.

– Надеюсь, к тому времени вы основательно изучите содержащиеся в нем сведения и убедитесь: я – это я.

– Ваши личные файлы неприкосновенны, – ответил барон Максимилиан Александр. – Девайс проверяется на наличие инопланетных бактерий и вирусов.

Свёкр успел сообщить мне, что прибор, изъятый у двойника, сразу же отправился на экспертизу. Следовало первым делом установить, где его произвели, а потом уже анализировать содержимое. Однако тут специалистов ждал сюрприз: гость привез с собой подлинный девайс настоящего Ульвена Киофара Джеджидда, с которым тот когда-то отбыл в свое последнее путешествие. Устройство довольно старинное, зато легко опознаваемое. И я, и барон, и члены семьи Ульвена – все мы помним этот девайс, чрезвычайно добротный и снабженный виртуальной раскладкой на множестве языков.

Как этот ценный предмет попал к двойнику, догадаться нетрудно: он остался на Лиенне, в императорском дворце Уллинофароа, в той комнате, где Ульвен облачался в мантию верховного иерофанта. Взять с собою личный девайс на священную церемонию он не мог. Его некуда было бы деть во время обряда. Вероятно, прибор положили в личный сейф императора. А потом, естественно, Карл не имел возможности ни вскрыть, ни утащить с собой сейф – счет времени шел на минуты.

– Хорошо, господин барон, – согласился двойник. – Бактерии, разумеется, вещь опасная, карантин – разумная мера. Но отчего бы вам не выделить мне любое другое, здешнее, средство связи, пусть самое непритязательное, чтобы я мог поговорить хотя бы с моей сестрой?..

Мне не нравились речи нашего гостя. «Я», «мой», «моя», «моё» – слишком много напора и требовательности. Впрочем, настоящий Ульвен тоже мог быть властным и резким. Я помню, как на собрании уйлоанской общины он, объявив о моем назначении Хранительницей дома семьи Киофар, чрезвычайно категорично пресек вопросы о правомерности своего поступка: «Это не обсуждается. Такова моя воля». Но тогда он вел себя как глава всего рода и даже больше – как будущий Император. А сейчас перед нами – кто?..

Он продолжал уверенно разглагольствовать:

– Надеюсь, что, как только я встану на ноги и благополучно завершу пребывание в карантине, я смогу вернуться домой. И мне кажется, необходимо предупредить о моем приезде Иссоа, ее мужа и прочих близких. Я согласен, что новость способна вывести из равновесия

даже самое стрессоустойчивое существо. Однако, если мне не позволено обратиться к сестре напрямую, пусть кто-то другой возьмет на себя эту миссию.

– Для начала нам нужно выяснить, кто вы, – заявила я.

– Я – Ульвен Киофар Уликеннс Джеджидд. Принц из династии Уликенов, профессор космолингвистики, бывший со-ректор Тиатарского Межгалактического университета, император Лиенны по праву рождения.

– У нас есть основания думать, что вы – просто клон.

– Докажите. Обязанность доказательства обвинения возлагается на обвинителя, это основы всеобщего права.

– Вы согласны участвовать в следственных экспериментах и перекрестных допросах? – спросил барон Максимилиан Александр, потому что я была совершенно не в силах выговорить такие слова, глядя в глаза собеседника, похожего на учителя как две капли воды.

– Да, конечно, – ответил он. – Скорейшее установление истины – в моих собственных интересах. Я готов отвечать на любые вопросы. Вы можете начать задавать их уже сейчас. Наш диалог, как я понимаю, фиксируется? Ничего не имею против. Спросите меня о чем-то, что было известно лишь мне и вам, и больше никому другому. Кто начнет? Может быть, ты, племянница?

– Хорошо, – согласилась Маилла. – Мой вопрос: почему меня так зовут?

– О, теперь я, как студент-первокурсник, сдаю зачет по ономастике!... Ладно, это легко. Твои бабушки носили имена Маисса и Файолла. Из соединения их имен получилось твое. Точно так же сконструированы имена твоих сыновей. Ульффар – сокращение от «Ульвен Киофар», и Массен – от «Маилла и Ассен». Кстати, как поживает твой замечательный муж?..

– Спасибо, у нас всё хорошо, – ответила Маилла с нарочитой сдержанностью.

– Уважаемый друг, вы хотите спросить что-нибудь? – обратился двойник к барону.

– Seien Sie so liebenswürdig... – произнес на немецком начальное «будьте любезны», барон запнулся, не будучи твердо уверен, что в данный момент уместно обращение «ваше высочество» или «принц». – Пожалуйста, постарайтесь припомнить, каков был мой подарок Карлу и Юлии в честь их обручения.

– Дорогой барон, разве можно такое забыть? Юная пара обменялась кольцами в моем доме, вернее, в саду у бассейна. Все прочие гости ждали их в зале, где были накрыты столы. И вы подарили жениху и невесте вашу священную книгу, Библию. На форзаце была уже сделана надпись красивым готическим шрифтом, гласившая, что барон Карл Максимилиан Ризеншнайдер цу Нойбург фон Волькенштайн обручился в тот день с благородной девицей Юлией Лаурой Цветановой-Флорес в доме его высочества принца Ульвена Киофара Уйлоанского.

– Верно, – ошарашенно подтвердил барон Максимилиан Александр.

– Что такое «союз шестерых»? – вновь вступила в словесный поединок Маилла. – Кто входил в него?

– Полагаешь, племянница, я перепутаю «Совет Шестерых», управляющий Тиастеллой, с «союзом шестерых», который объединял моих самых близких родственников и друзей? – усмехнулся наш собеседник. – Наш негласный союз существовал до того, как Илассиа стала моей невестой. В него входили я, ты, Иссоа, Юлия, Карл и барон Максимилиан Александр. Потом круг расширился, и «союз шестерых» сам собой упразднился. Но привычка советоваться с теми, кому я полностью доверял, у меня сохранилась, и мы очень многое обсуждали при Илассиа, ее отце профессоре Лаоне Саонсе, а потом и при докторе Келлене Саонсе. Иногда нас действительно оказывалось ровно шестеро, иногда меньше или больше, это уже не имело значения. Я ответил на твой вопрос?

– Спасибо, я удовлетворена, – отстраненно произнесла Маилла.

– Моя Юлия, вы всё время молчите, – вкрадчиво обратился он ко мне. – Неужели вы ничего не хотите спросить?

Я пыталась придумать, о какой детали не мог бы знать никто, кроме нас с настоящим Ульвеном. А! Вот!

– Скажите, если сумеете... О чем мы говорили с учителем внутри неуправляемого челнока, улетавшего в космос, когда я выключила «Алуэссу».

– О вашей магистерской, разумеется.

– Это общеизвестно. Нет, после!

– О, дорогая моя, это слишком интимно...

– Ничего. Не стесняйтесь.

– Если вы так настаиваете...

– Я настаиваю.

– Речь шла... о любви.

– Между кем?

– Между мною и вами.

– Неправда. Мой учитель никогда бы не стал произносить таких слов.

– Да, действительно. Их сказали вы, моя милая.

– Я?!.. Что именно я сказала?!..

– «Сюон-вэй-сюон». Двойное кольцо наших душ. Я ответил: «Ну, теперь вы знаете, что это».

Слово в слово. Я онемела. Он смотрел на меня, наслаждаясь своим торжеством. Если верить неоспоримым фактам, передо мной был Ульвен. Но сердце знало, что это не он.

– Неужели вам недостаточно всего сказанного для установления моей подлинной личности? – спросил он горделиво и вкрадчиво.

– Нет, – ответила я.

– Я бы не торопилась, – произнесла Маилла.

– Мы должны посоветоваться, – подытожил барон Максимилиан Александр. – Сегодняшний разговор можно считать лишь предварительной стадией разбирательства.

– Хорошо, друзья мои. Я, конечно, огорчен и разочарован, поскольку ждал куда большей сердечности. Но вполне понимаю ваши сомнения и согласен пройти другие испытания, тесты, допросы и прочие процедуры, которые восстановят мое имя, мои права и мое положение в обществе.

– До свидания, господин Киофар, – сказал барон, добавив: – Я вынужден именовать вас так, поскольку ваши биометрические данные совпадают с данными моего покойного друга.

– Я надеюсь, что вскоре все сомнения благополучно развеются, – снисходительно ответил двойник. – До свидания, господин барон. До свидания, дорогая Маилла и вы, моя несравненная Юлия.

Он нажал на кнопку, и коляска, развернувшись, уехала в тень, исчезнув из поля зрения монитора.

Я выключила аппаратуру и автоматически остановила запись беседы.

Мы очень долго не могли ничего произнести.

– Нет. Не он, – первой очнулась Маилла. – Всё вроде бы сходится, но я чувствую фальшь.

– Фальшь можно выявить, – напомнила я. – Запись есть, мы сделаем речевой и интонационный анализ. Привлечем Камелию Древич, она представит предварительный психопортрет данной личности и сравнит его с психопортретом подлинного Ульвена.

– Но подлинный мертв, – возразил барон.

– Сохранилось множество документальных съемок. Лекции, доклады, речи на университетских мероприятиях, – наконец, та самая церемония у очага на Лиенне, во время которой его убили. И тот диалог со мной в уносившемся неизвестно куда челноке.

– Вы действительно там признавались друг другу в любви? – полюбопытствовала Маилла.

– Нет, ну что ты! – вспыхнула я. – Как можно? Контекст моей фразы был совершенно иным. Речь шла о нашей будущей смерти и предполагаемом переходе в иное пространство и время, закольцованное с настоящим. Мы могли попасть в то пространство бессмертия только вместе. Рука об руку, душа в душу – «сюон-вэй-сюон». Он фактически вел меня, как учитель и иерофант. Да, любя, но к обычной любви всё это не имело касательства. Мы должны были преобразиться в сугубо духовные сущности – вейнов. Реальны они или нет, совершенно неважно, в тот момент мы верили, что трансформация началась, и за ней нас ждет вереница новых миров.

– А откуда двойник это знает? Ты кому-то рассказывала?

– Карлу я рассказала всё. Между нами нет тайн. Но не думаю, что мой муж стал бы рассуждать о столь тонких материях в присутствии посторонних. Правда, он мог говорить об этом с Ульвеном. Один на один. В последние годы у них сложились весьма доверительные отношения.

– Остается предположить, – задумчиво произнес барон Максимилиан Александр, – что где-то в дальних мирах научились делать не только точные копии биологических объектов с высокоразвитой психикой, но и восстанавливать воспоминания конкретной личности.

– Это фантастика, – убежденно возразила Маилла. – И такое уж точно должно быть запрещено. Ведь в подобном случае невозможно отличить двойника от оригинала.

– Но мы же все трое ясно ощущаем, что перед нами именно клон, – заметила я.

– А как доказать? – спросила Маилла.

– Подумаем. Привлечем биологов, медиков, космопсихологов. Надеюсь, общими усилиями мы отыщем решение, – обещала я.

На душе у меня было скверно, как никогда.

Я боялась признаться, что во всем виновата я сама. Мне вдруг стало ясно, откуда двойник мог почерпнуть все подробности, о которых он так легко нам поведал, словно бы издеваясь над охватившим нас душевным смятением.

О пагубности графомании

Версию о неведомых умельцах, ухитрившихся снабдить биокопию всеми воспоминаниями настоящего Ульвена, я предпочла бы отринуть как совершенно невероятную. Нужно, впрочем, проконсультироваться со специалистами, работающими с искусственным интеллектом. Может быть, технологии такой пересадки сознания давно уже созданы. Только вряд ли они практикуются на реальных живых организмах, ибо тут возникает проблема удвоения личности, а это чревато конфликтом с законами Межгалактического альянса. Существуют миры, в которых разум имеет форму рассредоточенного силового поля или, как у айсян, разветвленной ризомы. Но гуманоиды – строго индивидуальны, – и люди, и уйлоанцы. Ни дублировать, ни клонировать нас нельзя. Пример с транскамерами не годится: на входе и выходе – та же самая личность, не две одинаковые.

Однако для воссоздания памяти имелось и куда более простое решение. И уж мне-то известно, из каких источников изготовители клона могли взять конфиденциальную информацию, моделируя его личность путем гипноза, внушения и тренировки.

Использовались не только общедоступные документальные съемки и книги, в которых ясно высвечивался образ Ульвена как ученого, преподавателя, лектора, ректора и, наконец, императора-иерофанта, каким он предстал на Лиенне. И не только воспоминания тех многих тысяч знакомых, друзей, коллег и поклонников, которые с ним постоянно общались или кратко соприкасались. С окружающими он держался обычно вежливо и благожелательно, но несколько отстраненно, и уж конечно не стал бы откровенничать о семейных делах. Пока я не вошла в его узкий дружеский круг, я сама считала его высокомерным занудой, а когда он стал ректором, то порой стеснялась запросто подойти к нему на каком-нибудь официальном приеме – настолько вальяжно и царственно выглядел мой учитель.

Илассиа и Карл рассказывали, что на Лиенне за ними в первое время велась неусыпная слежка, пока Ульвен не поставил властям ультиматум: либо все средства слежения немедленно отключаются, а схема их расположения во дворце передается ему, либо он прерывает визит и возвращается на Тиатару. Пока скрытые камеры наблюдения действовали, лиеннцы могли слышать немало бесед, в том числе и сугубо интимных. И нет никаких оснований верить, будто попытки шпионить за семьей Императора не продолжались в другом режиме, хотя бы не сплошь, а урывками, и Карл не мог в одиночку отследить все приборы, работавшие на запись в посещаемых ими городах, учреждениях и многочисленных аудиториях. Несомненно, там велись и официальные, и негласные, и любительские съемки, фиксировавшие каждое слово и каждый жест высочайших особ.

Двойник превосходно усвоил, как выглядят все его близкие. Он сразу узнал меня, и не перепутал бы Маиллу с другими женщинами из семьи Киофар.

Но, помимо видеозаписей, существовали мои собственные дневники, которым я в конце концов придала некий литературный вид и рискнула опубликовать там, где, как мне думалось, никто из здешних знакомых никогда их не будет искать.

Начиная с первой части моих космических походов («Тетрадь с Энцелада»), и кончая последней («Наследник»), я последовательно описывала всё, что происходило со мной с детских лет до зрелого возраста. Разумеется, много места там уделялось Ульвену, особенно после того, как мы с ним познакомились лично («Тиатара», глава «Опекун», и далее – «Вечер с принцем» и прочее). Рассказ про запись в немецкой Библии, подаренной нам с Карлом в честь обручения, фигурировал в книге «Двойное кольцо». А в ее финале – диалог с учителем про слияние душ в момент перехода в бессмертие. Рассуждения про уйлоанскую ономастику на примере семьи Маиллы я ввернула в «Око космоса». Ну, и так далее. Если внимательно про-

читать всю мою шестичастную эпопею, то можно узнать очень много подробностей обо всех знакомых мне членах семьи Киофар.

Понимая, что обнародовать эту сагу в мирах, с которыми контактирует Тиатара, нельзя по этическим соображениям, я рискнула выдать ее за обычный роман-космооперу. Название выбрала самое непритязательное, нарочито не уникальное, хотя абсолютно точное и откровенное: «Хранительница». Фантастических произведений с такими названиями – как туманностей во Вселенной. Не верите? Ткните в поиск и посмотрите. Затеряться в этом потоке легко.

Воспользовавшись своим нынешним привилегированным статусом, я не просто отправила файлы «Хранительницы» на мою родную планету, но и выложила на старинный русский литературный ресурс, где она, как я была совершенно уверена, затеряется в массе примерно таких же самодеятельных опусов о приключениях в дальних мирах, о магических академиях (чем наш Колледж космолингвистики хуже?), о принцессах и императорах (я нарочно использовала эти земные термины, а не подлинные уйлоанские). В общем, как мне казалось, я ловко законспирировалась. И, естественно, на обложке стоял псевдоним, а не мое настоящее имя. С псевдонимом я тоже нахулиганила, притворившись почтенной дамой-музыковедом, автором многих научных трудов, но не чуждой поэзии и беллетристике, в том числе фантастической. Дама не возражала, охотно поучаствовав в мистификации.

Зачем я всё это сотворила?..

Во-первых, жаль было многолетних трудов, затраченных на писание и редактирование моих хроник. Во-вторых, поскольку я изначально выбрала русский язык, чтобы не разучиться грамотно на нем выражаться, у меня в этой части Вселенной не нашлось бы читателей. На Тиатаре русский не популярен даже среди космолингвистов, а в других мирах его не знает никто.

В моей семье всю «Хранительницу» прочитал лишь папа, а брат Виктор проигнорировал – он вообще не поклонник дамских романов и космической беллетристики. Папе в целом понравилось, хотя кое-что он раскритиковал. Многовато, сказал он, словесного сора; стиль то слишком свойский и разговорный, то наоборот, официальный: «Юленька, раньше это называлось канцеляритом». Ну, не знаю. Я покинула Землю в семь лет, и как сейчас говорят и пишут по-русски, понятия не имею – нам здесь доступны лишь кое-какие научные книги, а в них набор выражений стандартный, и в лексике много латинизмов и англицизмов.

В-третьих, каждый имеет право на тайную слабость. Увлечение. Хобби. У барона Максимилиана Александра и Карла – музыка. Моя мама любила готовить, и на каждой планете, где им с папой доводилось жить, придумывала необычайно вкусные блюда из местных ингредиентов. Ну, а я – графоман. Профессор, директор, Хранительница Тиатары – всё это, разумеется, тоже я, но, помимо солидной особы, облеченной столь высокими должностями, есть Юла, любопытная девочка, предпочитающая играть не в игрушки и не в виртуальные игры, а в образы и слова.

Мне нравится сам процесс сотворения текста. И нужно, чтобы в моих сочинениях были не только умные рассуждения, как в монографиях и диссертациях, а живые герои. Наверное, я могла бы выдумывать их, но зачем, если все мои близкие и друзья достойны стать персонажами любого романа?.. Каждый – незаурядная личность. У меня профессиональная память космолингвиста и опытного синхрониста. Диалоги я запоминаю дословно. Остается добавить лишь антураж. Описания обстановки и внешности, комментарии по поводу эмоциональных реакций на сказанное, мои собственные размышления... Эти тексты – часть моей жизни. От которой иначе останется только внешняя оболочка, а все чувства и мысли улетучатся вместе со мной.

В общем, сделанного не вернешь.

Не получив с Земли никаких читательских откликов, я пребывала в уверенности, будто «Хранительница» канула в Лету и не оставила ни малейших следов ни в русской, ни в мировой, ни тем более в межгалактической литературе. Если кто-то на Земле прочитал мою сагу, то вряд

ли принял всерьёз. А вычислить моё авторство, полагала я, практически невозможно. Учёные не интересуются космооперами, любители фантастики не охочи до космолингвистики, и даже если кто-то наткнется в тексте на фамилию «Цветанова-Флорес», он подумает, будто авторша перемудрила с экзотикой.

Нарушила ли я какой-то закон?.. Мне казалось, нет. Я же не посылала в прошлое реальный физический артефакт инопланетного происхождения, который мог бы взбудоражить умы и повлиять на ход истории. Мало ли, какие вымыслы публикуют поэты, писатели и всякие визионеры; на них никто из умных серьезных людей не обращает внимания. В крайнем случае, скажут: «Да, занятно придумано. Богатое воображение у человека». К тому же за пределами русскоязычного мира мои тексты уж точно никто не прочтет. А в самой России весь двадцать первый век – чрезвычайно нелегкое время, там полно реальных проблем, по сравнению с которыми наши здешние покажутся сущим вздором.

Резонанс, повторю еще раз, оказался ничтожным. Почти никаким.

Очевидно, я допустила один, зато важный промах. Ломая голову над названием второй части цикла, я остановилась на самом простом: «Тиатара». И не учла важной мелочи. Благодаря такому титульному листу моя легкомысленная книжка попала в реестр межпланетного поиска по названиям и ключевым словам. Очевидно, кто-то обратил на это внимание. Пропустил мой текст через электронного переводчика. Убедился, что труд совсем не научный, зато изобилующий примечательными сведениями о жизни Колледжа космолингвистики и о взаимоотношениях магистра Джеджида с его подопечной Цветановой-Флорес. Там же встретилось и другое редкое слово: «алуэсса». Догадка немедленно подтвердилась: пятая книга «Хранительницы» носила именно это название. И далее мой неизвестный читатель старательно перевел и освоил все шесть частей эпопеи. А потом вложил их содержание в память монстра, которого создал.

У меня не хватало духу признаться в содеянном ни Маилле, ни барону Максимилиану Александру. И уж тем более – Илассиа и Иссоа. Ведь о них я тоже писала. Да, с сочувствием и любовью, но достаточно откровенно. Насколько тщательно я взвешивала каждое слово и согласовывала с ними все факты, изложенные в моей докторской диссертации «*Профессор Ульвен Киофар Джеджида, его научная и педагогическая деятельность*», а также в моем предисловии к посмертному изданию его лекций о «Песнопениях океанид» («Алуэссиэй инниа»), настолько в романах, основанных на моих дневниках, я позволяла себе пренебречь этикетом и даже кое-какими приличиями.

И как теперь быть?..

Скрытничать я умею, а вот лгать в глаза – никогда. Особенно тем, кто мне близок, и чьей привязанностью я дорожу.

Придумать же сколько-нибудь убедительное объяснение необычайной осведомленности двойника обо всех деталях личной жизни Ульвена мне вряд ли удастся.

Впрочем, на сей раз я кое-как вывернулась. На недоуменные вопросы Маиллы и барона Максимилиана Александра я ответила, что создатели клона, естественно, хорошо изучили родословную семьи Киофар и традиции императорской ономастики. Надпись в Библии мог увидеть любой, кто бывал в нашем доме, а таких наберется немало, включая моих студентов и магистрантов; реликвия не выставляется на всеобщее обозрение, но и не является чем-то секретным. При желании все эти сведения можно добыть без особых трудов и шпионского оборудования. Я сама пару раз приносила Библию на занятия: показать, как выглядит настоящая земная бумажная книга, напечатанная готическим шрифтом.

Наконец, наш с учителем диалог в мчавшемся неизвестно куда челноке мог фиксироваться аппаратурой, встроенной либо в сам челнок, либо прямо в скафандры – супертехнологичные изделия аисян, снабженные разнообразными умными датчиками. Естественно, конфиденциальные записи не обнародовались, но они существуют где-то в архивных отчетах о

спасательной экспедиции. Клон точно воспроизвел мои слова насчет «сюон-вэй-сюон», однако не понял их смысла, – это свидетельствует о неполноте имевшейся у него информации.

Как-то так.

Я не полностью соврала, а лишь выдвинула альтернативные гипотезы. Не знаю, насколько Маилла и барон Максимилиан Александр мне поверили, но объяснения выглядели в какой-то мере логичными.

– Ладно, я попробую подготовить Иссоа, – предложила Маилла. – А ты бы поговорила с Илассиа.

– Иссоа может обидеться, если я ей не позвоню, – возразила я. – Это ведь не чисто семейное дело. Я, куратор планеты, обязана поставить в известность императрицу...

– Куратор?! – изумилась Маилла. – Ты?!..

– Я этого не домогалась. Мне присвоили статус сегодня. Надеюсь, временно.

– Клон не знает?

– Пока еще нет. Иначе, думаю, он не посмел бы со мной фамильярничать. «Моя Юлия, вы великолепны»...

– Отчего ты не пресекла эту наглость?

– Я хотела, чтобы он побольше наговорил. Нам нужен материал для анализа.

– Ты сама сделаешь экспертизу?

– Нет. Вернее, не в одиночку. За мной – лингвистическая сторона. По поводу прочего обращусь к Камелии Древич.

Барон Максимилиан Александр, до сих пор потрясенно молчавший, кивнул:

– Совершенно правильно, Юлия. Она не только крупный специалист в своей сфере, но и наша родственница. Расширять круг причастных пока не стоит, взваливать же всё целиком лишь на вас – просто непродуктивно, не говоря о моральной тяжести груза. Я всегда готов помогать вам, моя дорогая, рассчитывайте на меня.

Мы расстались уже не в том подавленном настроении, которое накрыло нас после встречи с мнимым Ульвеном.

Я обещала Маилле, что в ближайшее время попрошу Иссоа принять нас в доме семьи Киофар. А до этого кое с кем посоветуюсь.

Камелия

Ожидая известий от старших коллег из Межгалактического альянса, я не решалась покинуть свой кабинет и примыкающую к нему квартиру. Квартира, собственно, состоит из спальни, гардеробной, ванной и крохотной гостиной, где можно принять двух-трех друзей. Мебель и бытовая техника – казенные, скучные, без изысков, но, помимо технологичных жалюзи, я закрыла окна бежевыми занавесками, создававшими хоть какой-то уют, на пол постелила тагманские коврики и расставила всюду подарки от моих детей и студентов – фигурки, картинки, красивые камни и раковины. Иначе я ощущала себя как в больнице или... в том самом карантинном отсеке, где сейчас обитает двойник.

С Камелией Древич, известным космопсихологом, мы давно породнились, поскольку ее сын Стефан женился на моей дочери Лауре, и у них растет первенец, Макс Древич, названный в честь барона Максимилиана Александра.

Камелию я попросила прийти сюда ко мне, причем срочно. К счастью, она уже закончила занятия в университете и явилась через каких-нибудь десять минут.

– Юлия, вы обедали? Я не успела, – призналась она.

– Сейчас закажем еду, поедем у меня. Мне, признаться, кусок не полезет в горло, но я понимаю: питаться нужно, иначе я просто не справлюсь.

– Что случилось?

Пока нам несли из ресторана обед, я вкратце всё объяснила Камелии. Она предложила сначала насытиться, иначе мы обе погрязнем в эмоциях. Честно говоря, я не помню, какие блюда я заказала и сколько смогла заставить себя проглотить.

Сэргэ забрал поднос с посудой и оставил нас наедине.

Камелия дважды просмотрела запись нашего разговора с мнимым Ульвеном и начала дотошно расспрашивать меня о деталях, которым я не придавала значения.

Обманывать космопсихолога – затея опасная и безнадежная. Я объяснила, откуда двойник мог узнать информацию самого щекотливого свойства. Может быть, в секретных лабораториях самых дальних миров научились восстанавливать не только физический облик конкретного индивидуума, но и всю его память?.. Но как?..

– Выглядит невероятно, – согласилась Камелия. – А вы точно уверены, что пришелец – не биоробот? Не искин в оболочке белкового существа?

– Эту версию проработали в первую очередь. Нет. Все анализы показали: двойник – не зомби и не симулякр. Физически – не отличим от подлинного Ульвена Киофара Джеджидда. И вдобавок пытается говорить и мыслить, как он, пользуясь его воспоминаниями.

– Теоретически это, как я читала, возможно, если использовать искин в качестве промежуточного звена, – сказала Камелия. – Сначала личность воссоздается в электронном мозгу машины, затем пересаживается в мозг живого носителя.

– А, это то самое, что продельвается с нами, белковыми существами, в аисянских транскамерах?

– Да. Примерно. Но аисяне не производят клонов. И держат свои технологии в строгой тайне. Повторить это вряд ли получится.

– Значит, виновна во всем только я.

– Юлия, есть и третья возможность.

– Какая?

– Телепатическое общение. Задавая клону вопросы, вы уже держали в уме ответы. Он мог считывать ваши мысли.

– Да ну!

– Люди редко владеют такими способностями, но у вас-то они явно есть. Вы, напомню, ментально общались на Арпадане с госпожой Игуники и с Гурром.

– А здесь – с куратором Уиссхайнццем.

– Как это происходило?

– Как между двумя компьютерами, соединенными в сеть. Он заверил, что получил доступ лишь к внешнему, вербальному, слою моего сознания. У меня в голове высвечивались слова и фразы, поступавшие от него, и точно таким же образом я отвечала ему. Каждый из нас сначала формулировал мысль, а затем ее передавал. Параллельно велся допрос двух лиеннцев, которые пытались похитить маленького Ульвена. Оба слоя, реальный и телепатический, не мешали друг другу и не переплетались.

– Если вам удалось перенять эту технику, то ее мог освоить и ваш нынешний гость. Вы не знаете, насколько уйлоанцы склонны к чтению мыслей или эмоций своих собеседников?

– Настоящими телепатами я бы их не назвала. Скорее, эмпатами. Но, Камелия... вы же сами много общались с семьей Киофар.

– Все они сразу чувствуют ложь и неискренность.

– Я добавлю еще кое-что. Третий глаз – вовсе не атавизм. Вернее, конечно же, атавизм, предназначенный в древности для конкретных задач выживания, но открывающий и другие возможности. Они видят недоступное нам. Например, то самое «сюон-вэй-сюон». Двойное светящееся кольцо, витающее над теми, кто связан взаимным избранничеством.

– Вот как! Мне об этом не говорили.

– Вслух про такое обычно не рассуждают. Только наедине с кем-то близким. И то лишь в особых случаях. Вы тоже, пожалуйста, не вздумайте упоминать о «сюон-вэй-сюон» в общей светской беседе. Это невероятно интимная вещь. Но, когда двойное кольцо возникает, то оно соединяет гораздо надежнее, чем любые обычные клятвы и договоры.

– Я знаю, что браки у них заключаются, как правило, навсегда, и супружеские измены – чрезвычайная редкость.

– Да, Камелия. Именно потому, что они видят истинное отношение, и верят прежде всего ему, а не произносимым словам. О «двойном кольце» я сама узнала случайно. Ненароком подслушала разговор моего учителя с его матушкой. А потом Илассиа в момент откровенности заявила мне то же самое: у тебя с ним, дескать, «сюон-вэй-сюон», оно мерцает над вашими головами золотисто-зеленым огнем, и напрасно бы я отрицала очевидные факты: «Ты любишь его, а он любит тебя». Никакого физического воплощения наша связь иметь не могла, однако это никем и не предполагалось.

– То есть, все в доме понимали, что происходит между вами и вашим учителем?

– Я не пыталась выяснить, все или не все. Вероятно, не все. Может быть, только женщины, причем самые близкие. Мать, обе сестры, племянница, невеста – они точно знали. Но, коль скоро Ульвен вел себя крайне сдержанно и сам настаивал на строжайшем соблюдении этикета, меня приняли в дом на правах его ученицы и подопечной. А потом появился Карл. Искалеченный после аварийной посадки тактайского космолета. И хотя госпожа Файолла сильно негодовала, что Ульвен угрохал на исцеление Карла всё свое состояние, она думала: после моего замужества наше «сюон-вэй-сюон» само собой распадется, погаснет и отомрет. Но нет, оно никуда не делось. Расторгнуть его оказалось не в нашей воле.

– И никто другой не был связан с ним подобным образом?

– Илассиа – безусловно была. Иссоа сказала мне, что, когда он открыто назвал Илассиа своей невестой, у них тоже возникло двойное кольцо. И оно получилось не таким, как у нас. По словам Иссоа, то кольцо оказалось подобным сапфировой плазме, оно выглядело ледяным, а на самом деле могло обжечь и испепелить. Это совсем не метафора, дорогая Камелия. Иссоа, как иерофантесса, совершала для них брачную церемонию у очага. Когда Ульвен и Илассиа

преклонили головы перед ней, она невольно коснулась кольца и едва не отдернула руку – так сияло и пламенело «сюон-вэй-сюон».

– А про Иссоа и Эллафа вы ничего такого не слышали?

– Я не спрашивала. Сама-то я не вижу этих сияющих знаков. Но мне кажется, случай бесспорный. Они так упрямо и верно любили друг друга, что изъявили готовность лететь в другую галактику, если там им позволят соединиться. Ульвен поначалу не думал выдавать замуж принцессу-наследницу за какого-то Эллафа Саонса, однако потом приложил все усилия для того, чтобы их брак состоялся. Можно сказать, он пожертвовал жизнью ради счастья сестры. Впоследствии госпожа Ильоа говорила – ну да, кто еще, кроме простодушного Эллафа, захотел бы жениться на алуэссе, ведь Иссоа – мутант... Но, судя по «Повести об Улливене и Ниссоа», именно алуэссы могли создавать пресловутое двойное кольцо при помощи песен и заклинаний. А поскольку гены Ниссоа присутствуют в семье Киофар, это, видимо, их родовая особенность.

– Всё, что вы рассказали мне, крайне важно.

– Но приборами такие материи измерить нельзя?

– Ощущения в данном случае важнее приборов. Когда вы увидели двойника, вы почувствовали восстановление прежней духовной связи?

– В первый миг мне хотелось думать – да, но чуть позже я поняла: нет, передо мной не Ульвен. Не могу описать, как мне сделалось страшно и больно.

– Когда он встретится с предполагаемой сестрой и женой, пусть они понаблюдают, восстановится ли двойное кольцо между ним и Илассиа.

– Оно может не появиться. Илассиа состоит в новом браке и прошла через другую церемонию у очага.

– И всё-таки, если чувства подлинные, обмануть их нельзя.

– Дорогая Камелия, нам нужны доказательства. Предстоит нелегкий процесс, – вероятно, из нескольких стадий. Я жду от вас экспертное заключение с неопровержимыми выводами.

– Да, конечно, Юлия. Вы позволите мне скопировать эту запись?

– Строго конфиденциально.

– По ней уже многое можно сказать.

– Например?

– Попробуйте додуматься сами. Чем двойник отличается от оригинала?

– Мне всё время казалось, будто самозванец держался с нами как-то не так. Слова он произносил ожидаемые, а вел себя... нет, не могу сформулировать.

– Постарайтесь.

– Настоящий Ульвен мог выглядеть резким, надменным, язвительным. Или, как в молодости, угрюмым и замкнутым. Но он был... добр. Да. Заботлив и добр. Когда он говорил «моя Юлия», я чувствовала, сколько в этих словах мягкой бережности. Он гордился моими успехами и радовался, что я оказалась достойной его любви и доверия. А у нынешнего двойника прорывалось желание проявить свою власть надо мной. Акцент стоял на слове «моя».

– Очень ценное наблюдение. А ещё?

– Всё, Камелия. Решительно всё. Мой учитель стремился защитить своих близких. Родных и друзей. Иногда он делал это открыто, иногда – без лишней огласки. Будучи главой семьи и необъявленным императором, он ни разу не требовал, чтобы кто-то принес себя в жертву роду, династии или империи. Бремя трудного долга он брал на себя. И подчеркивал: «Это мой собственный выбор». Пришелец же явно хочет, чтобы все служили ему. И считались с его интересами.

– То есть подлинный ваш учитель был скорее альтруистом, а двойник – эгоист.

– Да, похоже. И ещё одно: настоящий Ульвен не прельстился бы властью как таковой. Он много раз говорил нам, что не видит ни малейшего смысла в восстановлении институтов погибшей империи. А однажды в сердцах сравнил это с эксгумацией праха или с попыткой

вдохнуть жизнь в огромную, но заведомо мертвую статую. Для клона же, вероятно, как раз империя и является целью.

– Тот – ученый, этот – политик.

– Ульвен был не просто ученым. В глубине его сущности таился музыкант и поэт. Первое он скрывал ото всех, кроме Иссоа, но второе вполне сочеталось с космолингвистикой. Он ведь, даже став ректором с огромным грузом служебных обязанностей, не забросил курс поэтического перевода, который вел в Колледже космолингвистики. И его анализ «Алуэссиэй инниа» содержал ровно столько научных открытий, сколько и поэтических интерпретаций.

– Я пыталась читать вашу книгу, Юлия, но всё-таки не настолько сильна в уйлоанском. Однако мы, космопсихологи, знаем: поэты и музыканты обладают особым складом мышления, и пример тому – нынешний принц Ульвен. Это тоже станет одним из направлений моей экспертизы личности клона.

– Камелия, буду очень вам благодарна за помощь.

– Юлия, я постараюсь не затягивать с результатами, хотя поспешность, вы понимаете, здесь неуместна. Присылайте мне все новые материалы, какие появятся в ближайшее время.

– Конечно. Нам предстоит совещание в доме семьи Киофар.

– Вместе с клоном?

– Нет, пока только в нашем кругу. Извините, вас я туда звать не буду.

– Естественно, я же всё-таки посторонняя, пусть и давняя подруга госпожи Иссоа и госпожи Илассиа. Передайте им самый теплый привет от меня.

– Непременно.

Потом мы немного поговорили о нашей семье и о наших детях. Лаура и Стефан с маленьким Максом всё-таки намерены жить отдельно, и мы с Камелией купили им вскладчину дом, примыкающий к нашему. Я легко могла бы сделать это из собственных средств, но Камелия захотела внести свою лепту, потому что подумывает тоже переселиться туда – помогать воспитывать внука. Стефан и Лаура не возражают, они только рады.

У Лауры появилась идея создать небольшой детский садик для малышек Витановы. Она уже придумала заведению подходящее название – La Flor. По-испански значит «цветок». А помимо прямого смысла, здесь скрыто имя моей мамы, Лауры Флорес, которая выносила в своем чреве нашу с Карлом старшую дочь, зачатую в пробирке. Мама скончалась родами от внезапного кровотечения. Теперь-то я перестала скрывать от дочери обстоятельства ее драматического появления на свет. Валли я рожала сама, они не однойцевые близнецы, поэтому получились такими разными и по внешности, и по характеру. Кареглазая и темноволосая Лаура – совершенно домашняя, мягкая, вдумчивая, сострадательная. И голубоглазая блондинка Валерия – сорвиголова, недаром ее потянуло в пилоты. «Чокнутая валькирия», как зовет ее Карл, но при этом он страшно гордится своей верной помощницей, «баронессой Валерией Ризеншнайдер». Замуж она не вышла – говорит, достойного кандидата в мужья пока еще не встретила. Сын Антон Карл, которого она родила в шестнадцать от своего приятеля Тадди, уже школьник. Растят его все прочие члены семьи, ибо Валли почти никогда не бывает дома. Теперь вместе с ней и Карлом улетела ещё и Афина, и все малыши, включая Фиону, дочку Виктора и Афины, остались на попечении Лауры.

Теперь и я застряла в своих директорских апартаментах.

Когда мне удастся вырваться в Витанову, понятия не имею. А так хотелось бы прижать к себе Фиону и Макса, поболтать с рассудительным умником Антоном Карлом, поесть не ресторанных блюд, а домашней еды, приготовленной Лаурой.

Ничего. Наваждение однажды развеется. Я сумею. Я справлюсь.

Да, учитель. Я сделаю всё ради вас.

Семейный совет

Новости от координатора Пшшасса оказались скудными. Расследование, сказал он, ведется сразу по нескольким направлениям, казус крайне запутанный, а прецедент безусловно опасный. Налицо сразу несколько нарушений законов Межгалактического альянса. Кто виновен – делать выводы еще рано. Оглашать подозрения было бы некорректно.

Мое сообщение, как заверил Пшшасс, доставлено куратору Уиссхайныщцу, и тот просил передать мне, что постарается лично выйти на связь, как только окажется в технической досягаемости. Видимо, он покинул или скоро покинет Лиенну, иначе никакой персональный контакт невозможен.

Я предупредила, что в интересах дела могу временно отлучиться из Института Тиатары, и в таком случае со мною следует контактировать через дом семьи Киофар, где имеется нужная аппаратура – не такая мощная, как в моем кабинете, но достаточная для приема текстовых сообщений от Межгалактического альянса. Пшшасс ответил, что вряд ли в ближайшие дни я понадобится для консультаций, и я могу свободно заниматься моим собственным расследованием.

Когда-то Ульвен приглашал нас в свой дом, тщательно отбирая участников дружеских встреч. Теперь, с разрешения императрицы, этим занялась я. Помимо Иссоа, Илассиа и Маиллы, я попросила присутствовать Эллафа и Ассена. Доктора Келлена Саонса – нет. И юных членов семьи Киофар – шестнадцатилетнего Лаона Саонса, тринадцатилетнюю Файоллу Киофар Саонс и четырехлетнего Эллафа Ульвена – тоже нет. Пусть они отправятся на виллу «Илассиа», устроят пикник на мысу или вечеринку на маяке, покатаются на старенькой, но еще исправной яхте супругов Саонс, развлекут доктора Келлена и маленькую Оллаю.

Иссоа согласилась выполнить мои пожелания, откровенно недоумевая, для чего всё это понадобилось. Я туманно ответила: произошло нечто из ряда вон выходящее, разговор будет крайне серьёзным, и присутствие детей нежелательно. А доктор Келлен нужен при них в качестве авторитетного старшего, не то молодежь расшалится и натворит каких-нибудь глупостей.

Мы с Иссоа отлично поняли, что я имела в виду под «глупостями». В родственных семьях Киофар, Саонс и Ниссэй намечались на редкость сложные конфигурации личных симпатий, с которыми взрослые пока кое-как справлялись, но были уже начеку. Лаон Саонс испытывал нежные чувства к веселой плясунье Файолле, однако поощрять их сближение не стали бы ни Илассиа, ни Иссоа, поскольку Лаон – сын, а Файолла – внучка доктора Келлена. Родство слишком близкое. Вдобавок Файолла – совсем еще девочка, ее желание красоваться и нравиться распространяется на всех знакомых юношей и мужчин, и Лаон не должен строить иллюзий, будто за невинным кокетством принцессы скрывается настоящее чувство. Точно так же Файолла любезничает с мальчиками-одноклассниками, со старшими кузенами – Ульффаром и Массенном, и вообще с кем угодно, включая барона Максимилиана Александра.

Наиболее подходящей парой для Лаона могла бы стать влюбленная в него Иланна, дочь Ассена с Маиллой. Тут у родителей – никаких возражений: они сверстники, оба из видных семей, состоящих в формальном, однако не кровном родстве. Да и в характерах есть определенное сходство: Иланна – девушка благовоспитанная, спокойная, сдержанная, хотя по-своему волевая и очень целеустремленная, не то что вертушка Файолла. Она, вероятно, увидела в Лаоне будущего супруга и начала постепенно его обхаживать и бережно приручать.

Но тут неожиданно нарисовался еще один треугольник. Иланна – предмет безответной привязанности Ульвена. Вначале он относился к ней как к милой подружке по детским забавам, хотя она его постоянно осаживала, не выдерживая натисков столь бурного темперамента. Потом, когда Иланна стала изящной хорошенькой девушкой, Ульвен принялся за ней откоро-

венно ухаживать – и наткнулся на стену льда. Чем настойчивее он стремился покорить ее сердце музыкой, тем больше она от него отдалялась. Вместо прежнего «ты, Ульвен» принялась говорить ему «дорогой кузен», и всем своим видом показывала, что нисколько не одобряет столь публичного способа выражения чувств. «Пожалуйста, дорогой кузен, воздержись от упоминания моего имени в текстах и названиях твоих композиций!»... – «Хорошо, а если я заменю «Иланна» на «Вианна» – так можно?» – «Нельзя. Получится, будто ты, милый друг, воспеваешь на все лады мою бабушку. Это совсем неприлично!»... – «А если я переставлю буквы и назову героиню песен «Лианна» – пойдёт?» – «Не пойдет. Все легко догадаются, кто это». – «Тебе неприятно?» – «Мне не нравится, когда обо мне говорят посторонние. И обсуждают какие-то выдумки».

Иланна не посещала его концертов, уверяя, будто не разбирается в музыке и устает от громких звучаний. Зато она могла подолгу сидеть поблизости от Лаона и молча за ним наблюдать или вовлекать его в тихие разговоры о школе, семейных делах или о чем-то абстрактном, вроде погоды, природы и близкой ему биологии. Когда Ульвен встревал между ними, Иланна смотрела на принца как на невоспитанного мальчишку, и порою не удерживалась от назидательных выпадов. Ульвен обижался, но долго сердиться не мог. А Лаон совсем не хотел с ним ссориться, ведь Ульвен – его друг, и он – брат несравненной Файоллы... Не приглашать на семейные встречи Иланну приличия не позволяли. В результате страдали все трое.

Собственно, из-за накалившихся отношений влюбленных подростков Иссоа и разрешила старшему сыну отправиться в космическое путешествие. Пусть Ульвен развеется, увидит другие миры, вкусит заслуженной славы как музыкант и артист. А вернется он повзрослевшим, поумневшим и, вероятно, забывшим про безответное чувство к кузине. Никакого «сюон-вэй-сюон» между ними воссиять не могло, оно требует безусловной взаимности. К тому же все они очень юны – отроки и отроковицы, только-только начавшие открывать для себя дурманящее притяжение Эроса. Старшие постоянно внушали им: вы – родственники и друзья, это главное, а прочее может еще измениться, нельзя с ранних лет отсекал никакие дальнейшие варианты событий, избегать расширения круга знакомств и давать опрометчивые обещания.

Я прилетела на служебном флаере, приземлившись рядом с домом семьи Киофар, – это не позволялось никому, кроме самых важных особ. Помимо водителя, меня сопровождал Сэргэ, выполнявший теперь роль охранника (он был обучен основам этой профессии). Официально у Хранительницы личных бодигардов в штате не значилось, в них не видели необходимости, и вдобавок они привлекали бы нежелательное внимание ко всем моим выходам в свет и служебным перемещениям. Однако нужными навыками владели и мой муж Карл, и мой брат Виктор, и личный помощник Сэргэ. Считалось, что этого совершенно достаточно.

Внутри дома никого из служащих, естественно, не впустили, но я разрешила моим спутникам ненадолго отлучиться в кафе, купить там еды и напитков, а потом дожидаться меня во флаере или где-то поблизости.

Все члены семьи Киофар уже собрались.

Мы расположились в зале, где Эллаф и Ассен установили экран для просмотра видеозаписи.

– Дорогие мои, – сказала я, еле справляясь с волнением. – Вы сейчас увидите нечто немыслимое. Постарайтесь не дать волю чувствам. Мы с Маиллой уже прошли через этот кошмар. И мы обе ручаемся: наш собеседник – не он. Не верьте глазам, верьте разуму.

– О ком ты, Юллиаа? – изумилась Иссоа.

Ассен уже знал, но молчал. Эллаф, встревоженный моим угрожающим предисловием, взял жену за руку, словно бы передавая ей часть своих сил.

Илассиа сидела, притворяясь бесстрастной. Как всегда, безупречно одетая, царственная и внутренне скованная.

Три женщины, любившие Ульвена и любимые им. Сестра. Жена. Ученица. Ах да, еще и четвертая – Маилла, племянница. Но с Маиллой его отношения не настолько сложны. Без «сюон-вэй-сюон».

– К нам прислан двойник. Симулякр. Биокопия умершего Ульвена.

Ну, вот и выговорила.

– Мы должны разобраться в этой темной истории. Внешнюю часть расследования взял на себя Межгалактический альянс. А всё, что касается Тиатары, поручено мне, куратору. Да, дорогие. Я отныне – куратор. Не знаю, временно или уже навсегда. Принимая должность Хранительницы, я знала о такой вероятности.

Последовал молчаливый поклон всех присутствующих, включая императрицу. Я тоже почтительно поклонилась.

– Сейчас мы увидим запись длинного разговора двойника со мною, Маиллой и бароном Максимилианом Александром. Я уже заказала экспертизу Камелии Древич, она готовит сравнительный психопортрет двух личностей, настоящего Ульвена и клона. В ее беспристрастности никто не усомнится, ведь она не находилась в столь тесных отношениях с ним, как все мы. Конечно, будет собрана и другая комиссия, из коллег Ульвена по Колледжу космолингвистики и Тиамуну. Но без вас, ближайших родственников, никакие выводы не будут считаться полными и достоверными. К тому же он намерен после окончания карантинного срока поселиться здесь, в этом доме.

Тишина была не просто мертвой, а словно в космическом вакууме. Мне казалось, будто мой голос падает в пустоту, не порождая никаких звуковых колебаний и не долетая до слуха собравшихся.

Но меня внимательно слушали.

Первым очнулся Эллаф:

– Иссоа, Илассиа, вам не нужно принять никаких препаратов перед просмотром? Вы уверены в собственных силах?

– Не уверена, но принимать ничего не хочу, – проронила Илассиа. – Предпочитаю видеть и слышать всё, как есть.

– Эллаф, милый, ты, пожалуй, принеси свой докторский кейс и держи его наготове, но пока мы попробуем справиться без уколов и медикаментов, – сказала Иссоа.

Он поднялся к себе и вернулся с небольшим чемоданчиком. Хотя Эллаф специализировался на кинезиотерапии, начинал он как врач универсального профиля, и теперь продолжал практиковаться на членах семьи. Диплом доктора и ученая степень магистра позволяли ему делать это совершенно легально.

– Ну, включаем? – спросила я.

Техникой управлял Ассен. Запись, привезенную мной, он еще не видел, но Маилла ему обо всем рассказала, и он отчасти был подготовлен.

Здешний экран обладал не такой высокой степенью разрешения, как мой, из директорского кабинета, и не создавал трехмерного эффекта присутствия. Поэтому, к счастью, иллюзия появления перед нами Ульвена, воскресшего из небытия, оказалась не столь реальной. Но впечатление всё равно оказалось сильным.

Илассиа издала полувздых-полустон и впилась глазами в изображение. Я помнила, как после смерти Ульвена она страстно мечтала о невозможном – обратить время вспять, отменить путешествие на Лиенну, заплатить любую цену за то, чтобы он остался жив и вернулся к ней... Или самой уйти к нему, во вселенское небытие.

Глаза Иссоа расширились и приобрели цвет темного изумруда. Верхний же засветился желтоватым огнем. Сейчас она пребывала в состоянии, переходном от обычной женщины к алуэссе. И ей стоило огромных сил удержаться и не выпустить на поверхность свою вторую натуру, с которой не смог бы совладать даже любящий Эллаф.

«Он не может нас видеть и слышать», – напомнил Ассен.

Двойник с чувством собственного превосходства и искусно разыгранного огорчения легко отвечал на любые вопросы, касавшиеся прежней жизни Ульвена. Я не стала вырезать из записи даже наш диалог о «сюон-вэй-сюон», невзирая на щекотливость сюжета.

Когда показ завершился, Иссоа, овладев собой, вернулась к привычному облику и с обезоруживающим простодушием спросила:

– Юллаа, но откуда он всё это знает?

Я изложила обе версии: о гипотетическом знакомстве клона с информацией, добытой через неких посредников, и о навыках телепатии, которым он мог быть обучен своими создателями. Про мои литературные опусы я рассказать не рискнула. Обстановка и без того накалилась до крайности.

– Нам придется устроить ему такой же допрос? – спросил Эллаф.

– Я думаю, этого не избежать, – ответил Ассен.

Илассиа резко встала и отчеканила:

– Не хочу. И не буду. Я никому не позволю разрушить мою семью. Обойдитесь, пожалуйста, без меня и Келлена. Он может просто не выдержать потрясения. Эллаф, ты понимаешь!

– Отец обо всем узнает, рано или поздно, – заметил Эллаф. – И будет хуже, если это случится внезапно.

– Я окружу нашу виллу электронной оградой, – заявила Илассиа. – Собственно, аппаратура давно установлена, только она до сих пор бездействовала. Нам надоело реагировать на вторжения всякой живности, вроде кварр или суурдов. А больше никто нам не докучал. Вызову завтра наладчиков. Пусть настройт систему на определенный вид организмов. И никто чужой не пробьется.

– Получается, ты посадишь свою семью под замок? – спросила Маилла. – Но, дорогая, это бессмысленно. Придется тогда фильтровать все звонки, контролировать коммуникации, никуда не пускать детей, устроить дежурство на маяке, чтобы никто не приплыл на лодке по озеру... Непременно возникнут вопросы, к чему такие предосторожности. И что ты ответишь мужу?

– А однажды Келлен выйдет из дому, отправится в город и увидит воскресшего мертвеца, – добавил Ассен.

Илассиа опустила в кресло и сникла в бессильном отчаянии.

– Дать тебе успокоительное? – предложил Эллаф.

– Да, наверное, – пробормотала она.

Он открыл свой кейс, отыскал флакон и накапал ей капель. Они пахли цветами озерной марейи, и в зале сразу повеяло тихой водой, в которой живут эти водоросли, выпускающие на поверхность красновато-лиловые чашечки в форме мелких сердечек.

– Иссоа, Юлия, вам не нужно? – спросил Эллаф.

– Нет, я уже свыклась с мыслью о двойнике, – ответила я. – Мои нервы в порядке, хотя на душе скверно до тошноты.

– Мы не можем избавиться от него, – сказала Маилла. – Значит, придется иметь с ним дело. Либо каждому, либо всем вместе.

– Почему не можем? – спросила Илассиа. – Клоны ведь вне закона.

Я вновь объяснила юридические нюансы, позволяющие обладателю данного биопаспорта находиться на Тиатаре и даже отстаивать собственные права. Да, подобные случаи в космосе иногда происходят, и мнимо умершему приходится доказывать своё существование, причем в том самом мире, в котором он появился на свет. Где появился клон, мы не знаем; он уверяет, будто это и ему самому неизвестно. А Ульвен Киофар Джеджидд родился здесь, в этом доме, и его двойник претендует на тождество с оригиналом.

– Хорошо, – вдруг решительно произнесла Иссоа повелительным тоном. – Юллиаа, передай ему: как любой уйлоанец, он может рассчитывать на покровительство императрицы. Для этого он обязан признать мою власть и обычаи дома семьи Киофар.

– Но, насколько мы поняли, он собирается вернуть себе титул...

– Не получится. Настоящий Ульвен совершил тройную торжественную церемонию у очага во дворце Уллинофароа. В первой части он освятил сам очаг. Во второй – освободил меня от обязанности повиноваться ему как старшему брату и сложил с себя долг главы нашего рода, перенеся его на меня. В третьей – нарек меня императрицей...

Ее голос дрогнул. Сразу после провозглашения – «Императрица Иссоа из семьи Киофар» – Ульвена убили.

– Стало быть, он отрекся от всякой власти, кроме власти верховного иерофанта обеих империй, – погибшей, Уйлоанской, и настоящей, Лиеннской, – сказала Маилла, понимавшая толк в уйлоанских обрядах, поскольку сама исполняла обязанности иерофантессы и имела допуск к святыне святынь – тайной «Книге церемониала», хранящейся в особом сейфе в Музее Уйлоа и недоступной никому, кроме иерофантов наивысшего ранга.

– Он попросту не успел это сделать, – пояснила Иссоа. – Поскольку мы тут все свои, я напомню: согласно ходу обряда, он должен был передать мне тот самый ритуальный кинжал, знак власти над жизнью и смертью, и после совершения определенных действий я принесла бы клятву и приняла бы последнее, третье, священное облачение – мантию императрицы-иерофантессы. Сняв ее, брат остался бы в длинной тонкой тунике, и склонился бы предо мною как мой подданный.

– А где сейчас эта мантия? – спросила я.

– Здесь. В нашем доме. Я ею не пользуюсь. В ней остался прорез от кинжального острия, и она пропитана кровью. Конечно, я совершила над нею обряд очищения и поместила ее в герметичную капсулу, а ту положила в особый ларец и закрыла замком с придуманным мною шифром. Для церемоний у очага я надеваю другую мантию, которая много лет хранилась в семье и ничем не осквернена.

– Получается, возник еще один неразрешимый юридический казус, – вздохнула Маилла. – Иссоа, бесспорно, императрица Лиенны и верховная иерофантесса семьи Киофар, а значит, и всей тиатарской диаспоры уйлоанцев. Но сан верховного иерофанта обеих империй, Уйлоанской и Лиеннской, формально остался за Ульвеном, который не успел довести церемонию до конца. И теперь двойник сможет претендовать на ту окровавленную мантию.

– Я лучше сожгу ее, – мрачно проронила Иссоа.

– А сан? Его не сожжешь, – возразила Маилла.

– Клон не может быть ни императором, ни верховным иерофантом, – отрезала императрица. – Если только он вздумает вступить в поединок со мной... Он знает, кто я такая? И на что я способна?.. Он вообще представляет себе, каким могуществом я обладаю?..

Ее глаза снова стали из бирюзовых мрачно-зелеными, излучая первозданную жуть океана.

– Любимая, лучше не надо! – взмолился Эллаф. – Может быть, у него нет намерений низвергнуть тебя и становиться верховным иерофантом.

Мне пришлось процитировать запись в анкете прибывшего. Цель визита на Тиатару: *«Восстановление своих семейных и имущественных прав после надлежащей идентификации личности».*

– Имущественных? – удивился Эллаф. – Он хочет выгнать нас всех из дома? И вернуть себе виллу «Илассиа»?.. Яхту, электрокар и долю в прибылях концернов «Фарфар» и «Тиалинго»?..

– Если будет доказано полное тождество личности клона с личностью подлинного Ульвена, то завещание окажется недействительным, – ответила я. – К сожалению, тут закон вполне

однозначен. И лишь от доброй воли внезапно воскресшего зависит, останутся ли при своем имуществе те, кого он раньше назначил наследниками.

Только тут мы все осознали, в какой кошмарной реальности нам придется отныне существовать.

– Я бесспорно глава семьи, независимо от завещания, – твердо произнесла Иссоа. – Он обязан мне повиноваться, если он – Ульвен Киофар.

Когда в нашей милой и кроткой Иссоа пробуждалась императрица, да еще и владеющая грозным даром заклинательниц-алуэсс, мне обычно становилось не по себе. Но на сей раз ее решительность воспринималась совсем иначе. Мы поверили, что она сумеет спасти нас от происков двойника.

Оставалось еще одно затруднение: дети. Как сказать им? Какими словами?..

Ассен и Маилла убеждали Илассиа открыться сначала не мужу, а сыну, шестнадцатилетнему Лаону. Он достаточно рассудителен и образован, чтобы не испугаться и не натворить чего-то непоправимого. Лаон заканчивает школу и собирается стать либо медиком, как отец, либо биологом, как мать. Впрочем, эти специальности совместимы, и ему не нужно растолковывать специфику клонов и объяснять, почему появление двойника Ульвена вызвало переполох на межгалактическом уровне. Илассиа обещала подумать о разговоре с Лаоном, но оставалась всё время вялой, рассеянной и подавленной. То ли на нее еще действовало лекарство, то ли она была погружена в свои мысли и воспоминания. Возвращаться на виллу «Илассиа» Эллаф ей в таком состоянии не рекомендовал, и она осталась на ночь в доме семьи Киофар, зато молодёжь, ни о чем не зная, продолжала блаженствовать на озере Ойо. Келлен, которому мы позвонили, сказал, что младшие дети, Оллая и Эллаф Ульвен, убегаются, и он уложил их спать, а старшие, Лаон с Файоллой, полюбовались закатом на маяке, теперь сидят в шезлонгах у озера, слушают старые записи «Лорелеи», пьют сок и мило болтают. Да, он за ними приглядывает, через часок попросит их расходиться по комнатам. Илассиа заночует у Эллафа и Иссоа? Ну, ладно, а то добираться домой в темноте нежелательно, даже если дорога вполне безопасна.

Сердце сжалось... Этой семейной идиллии скоро настанет конец.

– Юлиаа, – спросила Иссоа. – У тебя есть связь с «Гране»? По прямому каналу?

– Теперь, наверное, есть, – сообщила я. – У куратора больше возможностей, чем у Хранительницы.

– Ты еще не говорила с Кааролом?

– Нет. Не успела. А чем он может помочь?

– С ним Ульвен.

– Ты хочешь рассказать сыну всё?

– Лучше пусть он знает заранее.

– Попросить, чтобы он возвращался сюда поскорее? Или напротив, отложить возвращение, пока мы не покончим с этой историей?

– Я могла бы сама с ним поговорить?

– Отсюда, из дома, вряд ли. Ваша здешняя техника подключена к коммутаторам межпланетной связи в Колледже космолингвистики и в Тиамуне. А моя позволяет прямые контакты, если собеседники вообще в досягаемости.

– Можно, я завтра к тебе прилечу?

– Да, конечно. Я постоянно дежурю в своем Институте. Пришлю за тобой флаер, скажи лишь, во сколько. Эллаф, ты не хочешь присутствовать при завтрашнем разговоре?

– Я останусь с детьми, – сказал он.

Прерванные гастроли

Неожиданно Карл сам вызвал меня. Прямо ночью, когда я уже собиралась лечь спать. Связь оказалась неожиданно четкой, однако исключительно голосовой. Паузы между нашими репликами, разумеется, возникали, но не настолько длинные, чтобы смысл разговора терялся.

– Jülchen, bitte, sei ruhig...

Ага, разумеется. Когда в первой же фразе звучит «не волнуйся, пожалуйста», значит, там у них неприятности.

– Карл, давай начистоту: что случилось?

– Чертовщина какая-то. Но мы все живы и целы.

– Donnerwetter! Конкретнее, Карл!

– На Сироне во время концерта какой-то псих пытался напасть на Ульвена. Я был начеку, всё же навыки личного телохранителя принца оказались не лишними. К тому же, помимо меня, возле мальчика находились негласные стражи порядка. Нападавшего мигом скрутили и сдали властям. Не знаю, чем там кончилось дело, я следил за Ульвеном и заодно опекал остальных участников нашей группы. До отеля мы добрались благополучно, но после банкета у принца начались неполадки с желудком. Я велел ему выпить побольше воды, вызвать рвоту и не есть ничего до того, как мы возвратимся на «Гране». Может быть, отравление оказалось случайностью, но никто из наших больше не жаловался ни на боль в животе, ни на приступы тошноты. У меня создалось впечатление, будто целью недоброжелателей был Ульвен, и никто другой. Да, я помню, сколько разных превратностей вам с Ульвеном-старшим пришлось пережить на Сироне. Казалось, прошлое позабыто, здешнее общество изменилось и стало гораздо терпимее, инопланетян тут не оскорбляют, а наш гений имел огромный успех – впрочем, как и везде... На Сироне он исполнял преимущественно земную музыку, завершив концерт своей обственной аранжировкой «Оды к радости». Все были в экстазе! Но, видимо, само имя «Ульвен Киофар» остается для кого-то столь ненавистным, что любого его носителя готовы если не уничтожить, то вынудить поскорее убраться с Сироны.

– Сэр Колин поставлен в известность?

– Конечно! Он немедленно связался с координатором Пшшассом, а тот посоветовал мне свернуть программу гастролей и возвратиться на Тиатару.

– Вы в пути? На подлёте?

– Увы. Едва мы стартовали, Ульвену послышалось, будто звуки двигателя изменились. Ты ведь знаешь, какой у него исключительный слух. Проверка выявила неисправность. Такого с «Гране» вообще никогда не случалось.

– Так где вы, Карл?!..

– На планетоиде Эреф. Совершили вынужденную промежуточную посадку для ремонта и профилактики.

– Эреф?..

– Да, тот самый. Где содержат преступников, приговоренных судом Межгалактического альянса. Преимущественно гуманоидов.

– Планетоид-тюрьма...

– Не совсем. Сбежать отсюда, конечно, нельзя. Но заключенные живут фактически на свободе, в колонии под надежными куполами. Занимаются, кто чем хочет или умеет. Колонистам дают заказы на изготовление не особенно сложной техники, в основном из сборных деталей. Компьютеры, мелкие роботы, бытовые приборы. Производство совсем не рентабельно, но разумные существа должны к чему-нибудь прикладывать свои силы, иначе тут начнется коллективное помешательство. Есть теплицы с растениями, есть свой медицинский центр, есть

помещения для досуга. Извини за подробность, но бордель тоже есть. С живыми и механическими... сотрудицами и сотрудниками. На старинные описания каторги это ничуть не похоже.

– Вы успели побывать внутри на экскурсии? – изумилась я. – Даже в борделе?

– Нет еще. Пока мы ждали разрешения выйти наружу, нам показали весьма познавательный видеоролик. Типа «Добро пожаловать на Эрэф». Потом нас принял начальник местного космопорта. Впрочем, космопорт – слишком громкое слово. Ничего похожего на Тиатару или даже на Сирону. Ни поселка, ни гостиницы. Посадочная площадка, ангар для технического обслуживания, склады, карантинная зона и помещение, в котором обитает начальник. Кроме стартовой площадки, всё остальное тоже под куполом. Рубка начальника – вроде знакомого тебе маяка на вилле «Илассиа». Башня, откуда сверху подаются сигналы и ведутся разные наблюдения, а внизу находятся жилые отсеки. Нас не стали загонять в карантин. Провели необходимые тесты и разместили в двух комнатках в башне. Но мы с Валли по очереди дежури́м на «Гране». Оставлять корабль без присмотра нельзя.

– А начальник кто?

– Человек. У него забавное имя: Рафаэль Санти. Как у древнего живописца. Этот тоже любитель искусства. Все стены украшены репродукциями и голограммами произведений разных веков. Но тема всюду одна – обнаженные женщины. Наши девушки лишь пожалы плечами, зато Ульвен изумился и не знал, куда отвести глаза. Ты же знаешь, в их доме такое не принято.

У меня сердце ёкнуло от неожиданного подозрения. Рафаэль – имя редкое. Я знала лишь одного Рафаэля. Его фамилия была – Калински. Он при первом знакомстве сообщил мне, что у него дед – русский, искусствовед, проживает в Риме...

– Карл. Пожалуйста, будь начеку. И постарайся поскорее убраться с Эрэфа. Мне кажется, вы попали к тому, кто всегда ненавидел и меня, и учителя. Я, конечно, проверю биографию этого «Санти» по своим каналам, однако, похоже, тут дело нечисто. Вас могли нарочно сюда заманить.

– Зачем?

– Ты не маленький. Сам догадаешься. Я немедленно поставлю в известность координатора Пшшасса. Альянс не оставит «Гране» без помощи, но будь осторожен! Против всех нас затеяли нечто неслыханно мерзкое. Происшествия на Сироне, вероятно, лишь звенья в общей цепи.

– У вас тоже что-то случилось?

– Да. Появился оживший покойник. Уверяет, будто он – Ульвен Киофар Джеджидд. Разумеется, клон. Пока проходит реабилитацию, сидит в запретной зоне. А мы тем временем пытаемся выяснить, откуда он взялся. Завтра утром ко мне в Тиамун прибудет Иссоа. Она хочет поговорить с тобой и с сыном. Пожалуйста, оставайтесь на связи.

– Ульвен собирался дать благотворительный концерт для колонии...

– Нет! Не позволяй ему!

– Неудобно, всё уже согласовано, заключенные очень этого ждут...

– Пусть выступит дистанционно.

– В башне нет помещения, где уместилась бы наша группа со всеми нужными инструментами.

– Покажите вместо живого концерта запись. Скажите, что техника подвела, инструменты расстроены, примадонна не в голосе, Карл, будь же благоразумен! Прошу тебя!

– Конечно, моя дорогая Хранительница...

– Я – куратор.

– Ого! Ничего себе!

– Радости мало. Сплошные проблемы. Теперь ещё ваши.

– Юльхен, мы вырулим!

– Карл, я люблю тебя. Береги себя и детей.

– Моя радость, всё будет в порядке!

И как мне заснуть после этого? Жаль, я не попросила у Эллафа тех упокоительных капель. Впрочем, если я отключу сейчас мозг и эмоции, будет хуже. Ситуация быстро меняется, мне нельзя расслабляться.

Первым делом – вызвать координатора Пшшасса.

Теперь-то я всем нутром понимаю, почему на подобные должности чаще всего назначают именно аисян. Они вообще не нуждаются в отдыхе и не имеют нервной системы.

Координатор откликнулся довольно быстро. Он несколько удивился тому, что известие о неполадках на «Гране» пришло не от Карла, а от меня. Видимо, мой муж, чуждый конспирологии, поначалу не расценил случившееся как следствие чьей-то возможной диверсии, хотя два покушения на принца Ульвена должны были его насторожить. Карл летал на Сирону уже несколько раз, и никогда с его кораблем и экипажем ничего похожего не происходило. Все знали, что куратор Сироны, сэр Колин Маклеод, – старый друг барона Максимилиана Александра, а мой Карл – школьный приятель Питера Маклеода, сына сэра Колина. В настоящее время Питер – уважаемый доктор космоэтнографии, специалист по культуре планеты Сиггу, профессор Сиронского университета. И, кстати, моя бывшая ученица Линда Харрис ради него развелась со своим первым мужем, теперь они – супруги Маклеод, у них есть сын Колин, единокровный брат моей невестки Афины. В общем, Маклеоды – не просто друзья всей нашей семьи, а родственники. И, естественно, Карл на Сироне всегда останавливался в доме куратора, принимали его как почетного гостя, а «Гране» проходил техобслуживание по высшему классу.

Пшшасс согласился с моим предположением насчет существования заговора против всех нас – императорской семьи Киофар, дружественных ей семей Цветановых-Флорес и Ризеншнайдер цу Нойбург фон Волькенштайн, а также, видимо, против руководства Межгалактического альянса, обеспечившего нынешний status quo, при котором признанной императрицей Лиенны сделалась женщина, притом алуэсса, а Хранительницей Тиатары – я, ученица Ульвена Киофара Джеджидда и жена Карла-Макса.

Но подозрения ничего не стоят без фактов и доказательств. Их поиском и занимался сейчас координатор Пшшасс.

Он быстро отыскал для меня сведения о «Рафаэле Санти».

Да, никакой он не «Санти». Тот самый Калински. Который приставал с сексуальными домогательствами ко мне – первокурснице, оскорблял инопланетян, включая магистра Джеджидда, затем был исключен из Колледжа космолингвистики и депортирован на Сирону, а когда мы с учителем прилетели туда, чтобы вызволить мою семью, оказавшуюся в заложниках, Раф на пару со своим папашей Тристаном спорили, кто из них станет моим первым любовником. Ульвен тогда меня спас, придумав безумную версию о том, что мы – две биобомбы, и вскрытие наших скафандров приведет к невиданной эпидемии. И веско напомнил о своем ранге посла Межгалактического альянса. Тем не менее, нас обоих пытались втихую убить, выдав случившееся за прискорбный несчастный случай.

Диктатор Тристан Калински, которого свергли сами сиронцы, отсидел положенный срок, его собственность конфисковали, и сейчас он незаметно доживает свой век как обычный пенсионер – жена давно умерла, дочь, носящая другую фамилию, стесняется такого родства и не позволяет своим детям общаться с дедушкой. Сын же... Рафаэль, пока его отец отбывал заключение, продолжал вести себя непотребным образом. И, в конце концов, доигрался. За участие в жестоком групповом изнасиловании он был осужден на медикаментозную стерилизацию и отбывание восьмилетнего срока (по сиронскому времяисчислению) в колонии на Эрефе. Ему предлагали альтернативу – работу администратором в закрытом шахтерском поселке сиггу на Сироне, но он отказался, не желая общаться, как он выражался, «с косматыми недоумками».

Рафаэль, при всем своем негодяйстве, был неглуп и довольно хорошо образован – даже три курса Колледжа космолингвистики дают очень много, включая навыки программирования

и технического перевода. На Эрефе он вел себя смиренно, охотно трудился как переводчик и программист, в свободное время изучал историю земного искусства. И когда срок его заключения подошел к концу, ему предложили либо вернуться домой, на Сиرونу, либо остаться на Эрефе в качестве начальника космопорта. Он выбрал последнее. Только взял себе другую фамилию – Санти. Объяснил это тем, что ему приятно именоваться в честь великого живописца, к тому же «Санти» звучит для инопланетян короче и проще, чем «Калински». И вообще, он решил покончить с прошлым. Теперь он – новая личность.

«Имелись ли у него возможности связываться с давними знакомыми на Сироне?» – спросила я координатора. «Да, конечно», – ответил мне Пшшасс. У начальника космопорта, даже такого маленького и весьма специфического, есть аппаратура для межпланетных коммуникаций. «Можно ли выявить и отследить его контакты и сообщения?» – «Не все, госпожа куратор. Только служебные. Личную переписку мы не перехватываем и не дешифруем. Иначе у нас не хватило бы мощностей и сотрудников». – «Боюсь, что в данном случае придется этим заняться. Если Рафаэль Калински-Санти – элемент межпланетной или даже межгалактической сети заговорщиков, то его переписка не может считаться сугубо приватной». – «Вероятно, вы правы, госпожа куратор».

Пшшасс, как свойственно всем аисянам, держался абсолютно спокойно и деловито. Я могла быть уверенной, что за всеми произнесенными им словами немедленно последуют действия в строго выверенной последовательности.

Я напомнила о подозрительных неполадках в двигателе «Гране».

«О, это мы исправим в первую очередь!» – заверил Пшшасс. – «Доверять местным ремонтным службам сейчас не рекомендуется. Но потребуются подождать, пока техническая помощь Альянса прибудет на Эреф. Команде придется провести там еще несколько суток». – «Принц Ульвен хочет выступить перед обитателями колонии. Безопасно ли это?» – «Пусть ваш муж, госпожа куратор, объявит о скором появлении космолета Альянса. Начальник Калински-Санти тоже будет немедленно оповещен. Я надеюсь, что это известие станет гарантией от возможных недоразумений».

Беседа с Пшшассом немного меня успокоила. Не восстанет же Рафаэль против Межгалактического альянса? Одно дело – подлый заговор, другое – открытый бунт. И зачем ему это всё, какой смысл, где искомая цель? Просто отомстить нам всем за свою неудавшуюся карьеру и поломанную жизнь? Ну, не мы же ее поломали. Он сам это сделал. Никто не заставлял его вызывающе вести себя в Колледже, огульно ненавидеть всех инопланетян, измываться надо мной и Ульвеном, а потом докатиться до чудовищного насилия над совершенно неизвестной мне девушкой или женщиной... Единственное объяснение – Раф, как многие негодяи, слаб, закомплексован и мелочен. Мстительность свойственна именно таким натурам, даже если они хотят казаться, как говаривали в старину, «супермачо».

Что сейчас на уме у этого жалкого недочеловека? Чего он добивается? Завладеть знаменитым космолетом «Гране»? Но Раф не знает, как им управлять, там много всяких премудростей, и даже Валерия пока не сдала экзамен на должность второго пилота. И куда бы захватчик мог улететь на «Гране», если все межпланетные и межзвездные маршруты подотчетны Альянсу? Но, может, цель – не сам «Гране», а команда? Тут все на подбор. Мой муж. Моя дочь. Моя невестка Афина – она же внучка сэра Колина Маклеода, нынешнего куратора Сироны. И, наконец – сын императрицы Иссоа, законный наследник Лиеннской империи, принц Ульвен Киофар Саонс, и его кузен – Ульффар Ниссэй. Тагманец Джарри, сын Маттэ, в столь блистательном обществе почти посторонний, но один его вид может вызвать у Рафа приступ застарелой ненависти. Он ведь на Тиатаре считал тагманцев такими же низшими существами, как сигту. Причем тагманцы могли казаться ему еще более страхолюдными. Краснокожие, желтоглазые, с оттопыренными ушами, хвостатые. С человеческой точки зрения, совсем не красавцы. Зато добрые, веселые и старательные.

Я внушала себе, что Раф ничего не сумеет сделать с командой «Гране». Карл – опытный космоплаватель и физически сильный мужчина, обученный боевым искусствам и профессии телохранителя. Да, но всё это не помогло ему в свое время предотвратить убийство Ульвена... Оно было организовано так, чтобы именно в самый важный момент личный телохранитель не мог находиться рядом с верховным иерофантом. Ритуал церемонии у очага очень строг, особенно в столь торжественных случаях.

Постоянно помня о лиеннской трагедии, Карл перед нынешним путешествием «Гране» провел несколько тренировок с Ульвеном, Ульфаром и Джарри, чтобы приготовить их к возможным инцидентам в толпе. Валли тоже освоила методы обороны и самозащиты – они входят в обязательную программу летной школы, и отец ее тщательно проэкзаменовал. Единственная, не владеющая боевыми навыками – Афина, наша певица, существо по-птичьи сублильное, хотя она уже не девочка, а молодая жена и мать.

Должны же они как-то справиться. Особенно, если выявить слабые места и правильно распределить свои силы. Скорее всего, основная мишень врагов – принц Ульвен. Пока не появился двойник, юный Ульвен считался единственным бесспорным наследником всех титулов, принадлежащих семье Киофар по праву происхождения. Теперь же, случись несчастье с Ульвеном, на роль наследника сможет претендовать симулякр. Ибо младший принц, Эллаф Ульвен, еще четырехлетний ребенок. А Файолла имеет шанс стать наследницей, только если в семье не окажется принцев-мужчин, или все они отрекутся от своих притязаний.

Карл несомненно примет нужные меры. Он понимает, как драгоценна жизнь принца Ульвена. И он любит нашего общего воспитанника не меньше, чем я. Мальчик сам говорит, что мы с Карлом для него – как вторые родители.

Поскольку больше никто из коллег по Межгалактическому альянсу не пытался со мною связаться, я решила пойти поспать. Разум по-прежнему бурлил от возбуждения, но организм уже не справлялся с нагрузками. Я отвела себе на сон семь часов, понадеявшись, что за это время ничего ужасного не случится.

Под утро мне, однако, приснилось, будто я, – еще не профессор, а всего лишь магистр Цветанова-Флорес, – прилетаю в Колледж космолингвистики и медленно поднимаюсь к себе в кабинет, где должна читать очередную лекцию, а потом вести семинар. Настроение – самое мрачное. Я не знаю, какими словами сказать студентам, что профессор Джеджидд, мой учитель, погиб на Лиенне. Открываю дверь. И вдруг вижу его живым и здоровым, сидящим в преподавательском кресле. «Вы – здесь?!» – изумляюсь я. Он пристально глядит на меня и слегка насмешливо произносит: «Магистр Цветанова-Флорес, вы опять опоздали». – «Но... вы же умерли?! Каким образом вы попали сюда?!»... – «Очень просто. По лестнице», – отвечает он и немедленно приступает к занятию: «Итак, наша тема: методика перевода с невербальных языков на вербальные»...

Ликование залило меня целиком, от макушки до пяток. Он жив! Всё неправда, учитель благополучно вернулся, мы снова работаем вместе...

Проснувшись и вникнув в свое наваждение, я поняла, что память подсунула мне смесь из давних воспоминаний о начальной поре моего ассистентства. Даже если бы Ульвена не убили, по прилете он объявился бы вовсе не в Колледже космолингвистики, а в доме семьи Киофар или в ректорате Тиамуна. На Лиенну он отправлялся в ранге ректора, точнее, со-ректора, ибо его равноправным коллегой был Уиссхайныщц. И никакой семинар по методике он больше не вел – курс «Теория и практика перевода» был передан мне целиком, причем не как его ассистенту, а как магистру на ставке профессора.

Но мое подсознание пыталось таким образом мне что-то сказать.

Да, конечно. Профессор Джеджидд был выдающимся космолингвистом и непревзойденным мастером перевода. А этот – кто?.. Создатели клона, конечно, могли вложить в его голову

массу сведений о космолингвистике. Однако настоящий Ульвен обладал поэтическим даром и гениальной свободой мышления. Вряд ли такой талант поддается подделке.

Мне придется устроить экзамен его двойнику. Безо всякой пощады. Так же, как в свое время учитель экзаменовал меня, невзирая на личные чувства. Или самозванец надеется, что я не посмею? Посмею!

Концерт в колонии

Приводя себя в порядок, я обдумывала, из кого составить комиссию, но к окончательному решению прийти не успела: позвонила Иссоа. Ей не терпелось поскорей прилететь в Тиамун и поговорить с сыном. Она решила не дожидаться моего служебного флаера, а нанять любой, какой подвернется.

Семья Киофар, как ни странно, давно уже не имела флаера в собственности. Иссоа так и не научилась водить, а Эллаф, приобретший права в зрелом возрасте, ощущал себя в роли пилота несколько неуверенно и не хотел экспериментировать в воздухе над женой и детьми. Если семья и летала, то только с наемным профессиональным водителем.

Юный Ульвен, обожавший небо, космос и технику, не испытывал таких трудностей; он-то дорвался до прав в шестнадцать лет и водил теперь флаер почти так же легко и свободно, как покойный дядя. Однако он не спешил становиться хозяином летной машины, опасаясь, что в таком случае ему придется пожертвовать собственной независимостью и постоянно куда-то возить то родителей, то прочих родственников.

Спорить с Иссоа я не стала. Хочет лететь сама по себе – пусть летит.

Уж не знаю, какой воздушный лихач ее вез, но всего через час с небольшим она уже оказалась в моем кабинете.

«Юлиаа, я так и не сумела заснуть», – призналась она. – «Эллаф дал мне те капли из корня марейи, но на меня они не подействовали, а от укола я отказалась».

Внешне императрица оставалась спокойной, демонстрируя пресловутую уйлоанскую сдержанность. Лишь самые близкие понимали, какие бури бушуют внутри. Океанида сродни океану: среди полного штиля вдруг возникает цунами, шквал, ураган...

«Давай попробуем вызвать Карла с Ульвеном, ты поговоришь с сыном, а потом, если хочешь, поспишь у меня», – предложила я. – «Только я не знаю, какое у них там сейчас время суток, и сколько вообще там прошло времени». – «На Сироне?» – «Нет. На Эрефе». – «Где это? И зачем их туда занесло? Ведь в маршруте гастролей такой планеты не значилось»...

Пришлось рассказать о неполадках в двигателе и о вынужденной стоянке «Гране» на планетоиде с мрачной репутацией межпланетной тюрьмы. Язык не повернулся поведать Иссоа о том, кто такой «Рафаэль Санти». Иначе императрица немедленно наняла бы не флаер, а космолет, и ринулась бы самолично спасать Ульвена и прочих.

На мой вызов вновь откликнулся Карл. Он дежурил на «Гране», и теперь у нас появилась хорошая видеосвязь. Он переменялся в лице, увидев рядом со мною Иссоа, но нашел в себе силы дружески улыбнуться ей и спросить, как дела у Эллафа и здоровы ли младшие дети, Файолла и Эллаф Ульвен.

– Каарол, где мой сын? – перебила Иссоа. – Позови его сюда поскорее, пожалуйста! Я страшно волнуюсь!

– Он скоро будет, – с некоторой неуверенностью ответил мой муж. – Я сейчас передам ему сообщение.

– Где он?!

– Отдыхает после концерта.

– Какого концерта?!

– Для заключенных.

– Но ты обещал, что концерт вы отмените! – вмешалась я.

– Юлия, я не смог его переупрямить, – признался Карл.

– Ты?! Мальчишку?!

– Его высочество принца. Он твердил, что дал слово, а слово принца – титан и алмаз, залог его императорской чести, и вообще нарушать обещания – признак лживых натур, так учил его «господин барон Максимилиан Александр», к тому же к здешним заключенным никогда еще не прилетали артисты, особенно столь высокого класса, и обмануть ожидания сотен несчастных существ было бы крайней низостью, не достойной ни принца Ульвена, ни барона Карла Ризеншнайдера цу Нойбург фон Волькенштайна, которого он почитает как второго отца...

– Всё закончилось благополучно?

– Да. Концерт состоялся ночью. Здесь другой ход времени, планетоид вращается куда быстрее Тиатары.

– Ты присутствовал?

– Нет. С Ульвеном поехали Джарри, Афина и Ульффар как технический ассистент и телохранитель. Я должен был сменить на дежурстве Валли.

– Координатор Пшшасс с тобой связывался?

– Рафаэль сказал, что руководство Альянса сообщило ему: к нам летит окуданский корабль. Через сутки он будет здесь. Либо двигатель «Гране» починят на месте, либо, если не выйдет, мы вернемся на окуданце, а «Гране» возьмут на буксир.

– Каарол, но где же Ульвен?! – спросила Иссоа еще более требовательно и беспокожно.

– Пока мы разговариваем, я послал ему сообщение. Если он спал, то нужно некоторое время, чтобы он проснулся и добрался сюда.

– А там, где он есть, с ним нельзя поговорить?

– Только по радиосвязи.

– Каарол, Каарол, ради всех нас, сделай это немедленно! – взмолилась Иссоа. – Успокой меня! Пусть он откликнется!

Через пару минут в рубке «Гране» послышался сонный голос Ульвена:

– Господин барон, что случилось?

– Дорогой мой, пожалуйста, будь на «Гране» как можно скорей, у нас сеанс межпланетной связи, ты знаешь, насколько это трудно и дорого. С тобой хочет поговорить твоя мать.

– Это... из-за концерта? Вы ей пожаловались?

– Нет. Не только. Мы ждем тебя!

Иссоа немного успокоилась, убедившись, что Ульвен никуда не делся. Но всё равно досадовала на Карла, который пошел на поводу у беспечного юноши, позволив ему выступать в таком месте и перед столь сомнительной публикой.

Ульвен ворвался в переговорную рубку как вихрь, скинув шлем на ходу: «Вот! Успел! Гнал электрокар на предельной скорости и бежал со всех ног! Здравствуй, мама! Здравствуйте, госпожа Хранительница и господин барон!»..

– Почему ты не слушаешься господина барона? – начала Иссоа с упреков. – Он – командующий экспедицией! Его слово – закон! Больше я никуда тебя не отпущу!

– Мама, милая, но ничего же со мной не случилось, – оправдывался Ульвен. – А поскольку я принц, моё слово стоит не меньше, чем слово господина барона Карла. Если я его дал, то обязан держать. Ты, как императрица, знаешь, почему мы не вправе нарушать обещаний. Господину барону я всё объяснил, и он понял!

– А если бы что-то случилось?.. Вас было четверо юных и безоружных против целой толпы осужденных преступников...

– Это достойные сострадания обездоленные существа, у которых отнято всё, кроме жизни и памяти.

– Существа? – переспросила я.

– Очень разные, – пояснил он. – Есть люди с Сироны, есть тактаи, есть окуданцы, есть виссеванцы... наших, к счастью, нет. Или я их не видел.

– Вас там не обижали? – спросила Иссоа.

– Да что ты! Принимали великолепно! Концерт прошел замечательно!

– Какую же программу вы исполняли перед такой странной публикой?

– Определенной программы не было. Сложные композиции мы играть не отважились, тут это вряд ли поймут. К тому же на разных планетах свои собственные представления о музыке. Мы предложили, чтобы каждый желающий напел нам хотя бы отрывок своей любимой мелодии, а мы ее тут же аранжируем. Поскольку Афина по первой специальности космолингвист, она сразу запоминала слова. Поначалу шло туговато, но вскоре зал оживился. Я подбирал мелодию на синтезаторе и накладывал на гармонический фон, Джарри подстраивался с ударными, Ульффар запускал этот паттерн в записи, регулируя по моим указаниям темп и громкость, и мы с Афиной постепенно наращивали остальные пласты: импровизацию на гитаре, флейте и скрипке, вокал – попеременно она и я, а в конце дуэтом... В конце всё соединилось, и звучал настоящий оркестр и хор из множества голосов, хотя нас оставалось на сцене четверо! Успех был необычайный! Зал ревел от восторга! Нас никак не хотели отпускать! Я разрешил записать весь концерт, чтобы они потом могли это слушать! И подарил им другие записи нашего тура! Теперь наш ансамбль «Созвездие» – вне конкуренции в этой злополучной дыре!

– Да уж, популярность среди уголовников – повод для гордости, – проронила Иссоа.

– Мама, они тоже нуждаются в музыке и в красоте! Разве нет? Nicht wahr? Эти песни, наверное, пробуждали в них самые лучшие чувства и воспоминания... И дарили надежду на будущее.

У меня проступили слезы. Я встречала в жизни немало прекрасных и добрых разумных существ, в том числе среди моих близких, но принц Ульвен Киофар Саонс излучал душевный свет такой мощности, что его хватило бы на сотворение целого мира – куда более совершенного и гармоничного, чем любой из окрестных миров...

Иссоа тоже была смущена и не нашла слов для дальнейших упреков и возражений.

– А зачем вы меня разбудили и позвали сюда так срочно? – спросил Ульвен. – Убедиться, что я жив и здоров? Это мог бы вам рассказать господин барон Карл.

– Повод был совершенно другой, – призналась Иссоа. – У нас на Тиатаре произошло нечто невероятное. Я хочу тебя подготовить к предстоящим событиям.

– Кто-то умер? – испугался Ульвен.

– Нет, напротив! Воскрес. Но от этого никому не радостно.

– Мама, о чем ты?

Мы с Иссоа рассказали Ульвену о внезапном появлении двойника его дяди. И о том, какими последствиями всем нам грозит официальное признание личности клона.

Реакция принца оказалась весьма неожиданной.

– Надо же! – заявил он. – Как интересно! Я еще никогда не видел настоящего клона! Он действительно в точности копия дяди? И с ним можно поговорить?

– Он сидит в карантине, – сообщила я. – И проходит реабилитацию. Мы с бароном Максимилианом Александром и твоей тетей Маиллой общались с ним дистанционно. Да, похож. Но поверь, для тех, кто помнит подлинного Ульвена, это зрелище с трудом выносимое.

– Так ведь я не застал его живым! Мне, наверное, будет не так страшно, как вам.

– Дорогой Ульвен, эту копию сделали и прислали сюда с несомненно враждебными целями, – сказала я, стараясь оставаться спокойной. – Двойник уже объявил о намерении восстановить все свои права. В том числе имущественные. И, как нам разъяснила Маилла, даже если настоящий Ульвен сложил с себя полномочия главы рода и отрекся от титула императора, он остался верховным иерофантом Лиеннской империи. От этих обязанностей он избавиться не успел.

– А какой в них смысл на Тиатаре?

– Его ранг будет выше, чем ранг императрицы-иерофантессы. Значит, он получит доступ к священным реликвиям и к «Книге церемониала».

– Погодите! – вдруг сообразил наш мальчик. – Разве клона кто-нибудь обучал церемониям и посвящал в иерофанты? Если нет, то его притязания несостоятельны. А если да, то он обязан назвать нам имя наставника. Меня посвятила мама, ее – старший брат, и так далее. Клятва всегда приносится старшему. Из вакуума никакие иерофанты не возникают.

Здравомыслие принца ненадолго внушило нам чувство облегчения.

– Да, но он уверяет, будто он – настоящий Ульвен Киофар Джеджидд. И обязанность доказать, что он просто его биокопия, лежит на нас, – напомнила я, вернувшись к суровой реальности.

– Разве это так трудно? – удивился принц.

– Трудней, чем ты думаешь, – призналась я. – Наши неведомые враги смогли воссоздать не только физическую оболочку покойного, но также память о прошлом, манеры и в какой-то степени личность.

– А мы не можем сами этим воспользоваться? – предложил Ульвен.

– Каким образом? – спросила Иссоа.

– Обратить зло в добро! – ответил ее изумительный сын. – Мама, я, пожалуй, попробую! Если ты разрешишь.

– Возвращайся на Тиатару, посмотрим, – уклончиво проронила она.

– Конечно, мама! Как только починим двигатель.

– Чудо, что ты обратил внимание на необычные призвуки, – сказала я.

– О, госпожа Хранительница, это вышло само собой! Я ведь слышу частоты, которые скрыты от обладателей обычного слуха! Даже господин барон Карл не заметил, хотя он скрипач, а у них очень чуткие слуховые органы!

– Хорошо, дорогие мои. Будьте, пожалуйста, осторожны, – попросила я. – Надеюсь, что других неприятностей не случится.

– Жду вас всех домой, и как можно скорее, – сказала Иссоа, сочетая в голосе материнскую мягкость с повелительным тоном императрицы.

У Иссоа немного отлегло от души. Она убедилась, что Ульвен пока в безопасности. А космический перелет – дело всегда рискованное. Но не вздумает же Карл отправляться в путь с неисправным двигателем. И ему обещали, что в крайнем случае путешественников возьмет на борт окуданский корабль.

Я не стала делиться с Иссоа своими тайными мыслями насчет неожиданной пользы, которую мог принести самовольный концерт Ульвена перед заключенными. У меня не возникло никаких иллюзий по поводу морального исправления Рафаэля Калински. Да, насильничать он уже неспособен, он навсегда импотент. Остается лишь тешиться эротическими картинками и развлекаться созерцанием записей с видеокамер в местном борделе.

Однако вряд ли увечье сделало его порядочнее и заставило отказаться от ненависти ко всем нам. Возможно, у него на Сироне остались сторонники и поклонники. Заставив «Гране» совершить посадку в столь глухом и мрачном уголке этой части вселенной, они могли надеяться если не захватить космолет, то расправиться со всей командой. И, скорее всего, среди заключенных у Рафа тоже имелись те, кого он подкупил или заставил служить себе силой. Но напасть на Ульвена во время концерта они не посмели – свидетелей оказалось бы слишком много. И, чем больше сердец завоевывал звездный ансамбль, тем менее вероятным становился успех покушения. Заключенные, жаждавшие бесконечно слушать свои самые любимые песни, не позволили бы причинить никакого вреда Ульвену и его спутникам. Гениальный юноша оживил в них память о детстве, о родительском доме, о любимых женах и родственниках, о себе самих, какими они были до совершения преступлений, караемых высылкой на уединенный Эреф... Но дело было даже не в песнях. За долгие годы их заточения на планетоиде Ульвен

оказался единственным, кто общался с ними как с равными – такими же разумными существами, как он, достойными радости и красоты просто так, безо всяких условий...

Свидание с императрицей

После бессонной ночи Иссоа нуждалась в отдыхе. Я отвела ее в свою спальню, задернула занавески и убедила хотя бы прилечь, надеясь, что, расслабившись, она непременно заснет. Так и вышло.

Мне нельзя было выпадать из рабочего ритма.

В качестве директора Института истории Тиатары я просмотрела кучу скопившихся файлов, ответила на неотложные письма, одобрила три заявки на исследовательские экспедиции (одну из них подал мой брат Виктор). Остальное, не столь срочное, поручила, как водится, заместителю, магистру Уйлану Аллару, и помощнику, Сэргэ.

О том, чтобы слетать домой повидаться с папой, Лаурой, Стефаном и внуками, я себе мечтать запретила. А вдруг, пока я буду блаженствовать, угощаясь домашними пирожками и тискающая сладкую малышню, у меня в кабинете раздастся сигнал, вызывающий «госпожу куратора»? Пришлось ограничиться кратким звонком, причем именно Лауре, которая пока ничего не знала о двойнике – ни папа, ни барон Максимилиан Александр, ни Камелия Древич ни с кем не делились этими сведениями. Я просто сослалась на занятость и на необходимость дежурить у монитора для связи с Карлом. Передала ей новости о незапланированной стоянке «Гране» на Эрефе и о последнем концерте Ульвена. Вероятно, чуткая Лаура услышала в моих словах и в моем озабоченном тоне намного больше, чем я захотела открыть, но расспрашивать не посмела. Она понимала, что многие обязанности Хранительницы не подлежат широкой огласке.

Внезапно на мониторе засветился сигнал вызова из космопорта.

«Госпожа куратор, с вами хочет поговорить господин Киофар», – сообщил дежурный по карантинной зоне.

«Я готова!» – бодро ответила я и уселась так, чтобы выглядеть уверенной в себе и в то же время непринужденной. Одета я была как обычно, в белую просторную блузу и темные брюки, без косметики и украшений. Впрочем, нет, не совсем: на груди висел заветный кулончик, подарок Карла. Он подходит к любым нарядам.

Связь включилась. Двойник по-прежнему находился в инвалидном кресле, но выглядел заметно бодрее и крепче, чем в прошлый раз. В карантине с пациентами занимаются неустанно, с утра до ночи, используя методики доктора Эллафа Саонса.

– Добрый день, моя Юлия, рад вас видеть! – приветствовал меня клон с почти ненаигранной искренностью.

– Добрый день, господин Киофар.

– Раньше вы называли меня учителем...

– Мой учитель погиб на Лиенне. Вы – клон.

– Я вполне тождествен ему не только биологически, – возразил он.

– Мы проверим.

– Вы, моя дорогая, уже обещали мне множество интереснейших экспериментов, реализации которых я с нетерпением ожидаю. Ностальгический экскурс в наши общие воспоминания, как я понял, вас не слишком удовлетворил, хотя я ответил на все вопросы, а вы не соизволили объяснить причины возникших у вас сомнений.

– Информация могла быть добыта из третьих источников, – туманно ответила я.

– Sincerely? – вдруг ввернул он словечко из самого первого моего диалога с учителем, когда я, пятнадцатилетняя разломаченная девчонка в драных штанах, ввалилась в наш деканат и с кислой миной произнесла, будто «очень рада» познакомиться с господином опекуном.

– *Киокьо чуай лалло ньоллио фи!* – привела я другую часть того самого диалога, поговорку на алечуанском, означающую: «радость приносит только точное знание».

– *Ньоллио лалло куа кешиану ва эйе,* – тотчас продолжил он второй частью цитаты: «точное знание возможно лишь в математике».

Либо в его мозг вложили личную память Ульвена, либо двойник чрезвычайно внимательно прочитал мои книги из цикла «Хранительница».

– Не только собственно в математике, господин Киофар, – заметила я, не теряя самообладания.

– Совершенно согласен, моя дорогая. В космолингвистике тоже. Сделать клон, биологически неотличимый от подлинника, вполне реально. Однако снабдить его всеми знаниями исходной модели – задача вряд ли посильная современной науке. Ульвен Киофар Джеджидд – профессор космолингвистики, выдающийся уйлоанист, переводчик со множества языков, специалист, которому мало найдется равных. Будучи абсолютно уверен в своей правоте, я хотел бы незамедлительно подтвердить свой докторский и профессорский статус. Очевидно, для этого мне придется предстать перед авторитетной комиссией. Формировать ее будете вы?

– Вам должно быть известно, господин Киофар, что все учреждения Тиатары управляются коллегиально. Я имею право предложить созвать комиссию. Комиссия, в свою очередь, может избрать председателя, но кто им окажется, я предсказать не могу.

– Мне дозволено знать ваш нынешний статус?

– Конечно. Я – директор Института истории Тиатары, в котором сейчас нахожусь. Член ректорского совета Тиамуна. Профессор исторического факультета. Преподаю курс «Теория и практика перевода», адаптированный под потребности наших историков.

– А кто же ведет его в Колледже космолингвистики? – удивился мой собеседник.

– Профессор Луэй Мафир.

– Тот, который в студенчестве увлекался арабским?

– Теперь он видный уйлоанист.

– Значит, наши труды принесли результат... А скажите, моя дорогая, курс поэтического перевода совсем исчез из программы?

– Нет, господин Киофар. Он остался факультативным. Ведем его мы на пару с профессором Мафиром. Я отвечаю за земную поэзию, он – за всю инопланетную. Семинары – раз в десять дней.

– Хорошо. Вероятно, чаще не надо.

Мы беседовали почти как в прежние времена, когда обсуждали учебные планы, методику преподавания и отбор материалов для экзаменационных заданий.

– Моя Юлия, мне чрезвычайно приятно говорить с вами на профессиональные темы, – вкрадчиво произнес он. – Однако цель звонка была немного другой.

– Я вас слушаю, господин Киофар.

– Поскольку мне предстоит серьезный экзамен перед целой коллегией искушенных космолингвистов, я, наверное, имею право на основательную подготовку. Как любой студент или магистрант.

– Несомненно.

– В карантине мне, собственно, нечем больше заняться. Медицинские исследования и физические тренировки не дают нагрузки на мозг. Общаться с другими заключенными... О, простите, я хотел сказать, пациентами, – не разрешается. Развлечения здесь рассчитаны на усредненные вкусы. Видеодрамы, игры с гонками или квестами, познавательные пособия по истории Тиатары, какие-то фильмы с других планет... Мне это не интересно.

– А чего вы хотите, господин Киофар?

– Я прошу предоставить мне доступ к инфоцентру Колледжа космолингвистики или, лучше, к инфоцентру нашего университета. Для этого даже не требуется возвращать мне изъ-

ятый у меня при досмотре девайс. Просто снабдите меня паролем для входа в библиотеку. Я могу работать на любом устройстве под присмотром любого сотрудника. Вы тоже получите полный отчет о том, какие научные труды, диссертации и магистерские я читал. Меня интересует новейшая литература, в ней по понятным причинам я не ориентируюсь. Надеюсь, вы не сочтете такую просьбу неподобающей. Я не преступник, по крайней мере, до приговора Межгалактического суда, и всерьез намерен дойти до конца в установлении истины.

Пришлось признать, что двойник, кем бы он ни являлся, в самом деле имеет право получать информацию из наших хранилищ, как всякий обычный сотрудник Тиамуна, студент или даже простой обитатель и гость планеты, имеющий склонность к научным занятиям. Полный доступ, включающий доступ к архивам и материалам для проверенных специалистов, мы ему давать не обязаны, а обычный – почему бы и нет?

– Хорошо, господин Киофар. Я не могу решить этот вопрос немедленно и единолично. Но в скором времени, надеюсь, вас снабдят паролем от нашего инфоцентра.

– Предвкушаю великолепное интеллектуальное пиршество, – мечтательно сыренизировал он совершенно в духе и тоне Ульвена.

Меня слегка передернуло. Копия была слишком похожа на оригинал.

– Моя Юлия, я был бы счастлив длить наш разговор бесконечно, но я понимаю, что у вас немало обязанностей. Жаль, что никто из моих родных, кроме храброй Маиллы, не решается посмотреть мне в глаза. Понимаю, насколько ситуация необычна. Но неужели ни в ком из них не разыграло обычное любопытство? Я не имею возможности связаться отсюда с семьей. Если бы вы, моя дорогая, взяли на себя роль посредницы и уговорили хотя бы мою сестру...

– Я здесь.

Иссоа проснулась и, стоя в дверях, слушала последнюю часть диалога.

Она медленно подошла к монитору и, придвинув свободное кресло, села рядом со мной.

Восемнадцать лет пребывания в сане императрицы Лиенны, постоянного члена Планетарного совета Тиатары, главы семьи Киофар и матери трех детей превратили прежнюю застенчивую и кроткую девушку в величавую даму, умевшую вести себя с непререкаемой властью, особенно, когда в ее облике явственно проступали черты алуэссы.

– Ты ли это, Иссоа, моя любимая девочка...

– Господин Киофар, – прервала она его родственные излияния. – Я не знаю, что вы такое и откуда взялись. Но, поскольку вы, несомненно, уйлоанец, и, как меня уверяют, генетически тождественны моему покойному брату, я не могу игнорировать ваше существование.

– Неужели мы перейдем на «вы», дорогая сестра?

– Даже больше того, – заявила Иссоа довольно мрачно. – Вы получите право на мое покровительство, только если признаете меня своей императрицей.

– Ну конечно! – развел он руками. – Считаю, что уже признал. Собственно, ради этого и затевалось путешествие на Лиенну. Как бы я мог не признать то, что задумал и сделал сам?

Все слова были верными, логика безупречной, но мы с Иссоа, не сговариваясь, ощущали привкус подвоха. Двойник ясно давал нам понять, что нынешний титул Иссоа – дело его собственных рук, и поэтому всё остается по-прежнему: он – над ней, как творец, возвышающийся над своим удачным произведением.

– Стало быть, вы обязаны чтить меня как главу семьи Киофар и выполнять мои указания в том, что касается дома и рода, – в ультимативном тоне произнесла Иссоа. – Точно так же, как я в свое время выполняла волю родителей, а затем и старшего брата.

– Дорогая Иссоа, если я принесу тебе этот обет, мне дозволено будет вернуться домой по прошествии карантинного срока?

– Вы не можете ставить условий императрице, господин Киофар, – изрекла она.

– Ах, прости!.. Я еще не привык следовать императорскому этикету. Да, конечно, я клятвенно обязуюсь чтить тебя как главу семьи, поскольку я сам провозгласил твое право так назы-

ваться и сложил с себя соответствующие полномочия. Пусть наша Юлия засвидетельствует подлинность и искренность моего заявления, сделанного сейчас с полным пониманием всех последствий такого шага. Теперь ты ответишь на мой вопрос, дорогая сестра?

– Если вы пожелаете, господин Киофар, вы сможете жить в нашем доме, – нехотя согласилась Иссоа.

– О, сердечно тебе благодарен! Другого дома у меня нигде нет, разве что меня из милости приютили бы на вилле «Илассиа»... Построенной, между прочим, на мои личные средства.

– Там вас не ждут, – вмешалась я. – Не стоит вторгаться в чужую семью.

– Неужели моя любимая супруга успела настолько возненавидеть меня? А как же клятва вечной верности у очага? Иссоа, ведь ты сама проводила нашу брачную церемонию?..

Двойник уже откровенно издевался над нами. Настоящий Ульвен никогда не повел бы себя столь жестоко, даже будучи оскорблен в сокровеннейших чувствах.

– После гибели мужа Илассиа имела право заключить другой брак, – нарочито невозмутимо сказала Иссоа. – В завещании брата такой поворот предусматривался. Ту церемонию, состоявшуюся на вилле у нового очага, проводила Маилла. Я, данной мне властью главы семьи, разрешила Илассиа оставить двойную фамилию – Киофар Саонс. В память о нашем Ульвене, которого мы никогда не забудем. Вы – не он, господин Киофар.

– Это требуется доказать, дорогая Иссоа, – безмятежно напомнил он.

– Мы будем стараться, – обещала я.

– Ну, посмотрим, что у вас выйдет, – усмехнулся двойник. – До свидания, моя милая императрица. К сожалению, я отсюда связаться с тобой не могу, но буду рад, если ты захочешь со мной побеседовать. Дорогая Юлия, не забудьте, пожалуйста, передать мне пароль для входа на информационный портал Тиамуна. Не терпится почитать что-нибудь интеллектуальное. На карантине всё-таки очень тоскливо, хотя сотрудники чрезвычайно квалифицированные.

– До встречи, господин Киофар, – ответила я за нас обеих и отключила связь.

Иссоа сидела неподвижно. Опустошенная и ошеломленная.

– Юлиаа, что нам делать? – спросила она по прошествии нескольких тяжких минут.

– Для начала я передам запись этого разговора Камелии. Она готовит сравнительный психопортрет двух личностей. Ты же видишь, что с тобой говорил не Ульвен?..

– Да. И это ужасно. Непонятное существо войдет в наш дом, сядет вместе с нами за стол, будет плавать в нашем бассейне, играть с малышом Элвеном, шутить с Файоллой...

– Ты никак не могла отказаться принять его?

– Нет. Отказаться – не выход, а бегство от вызова. Императрица не имеет права перекладывать свой долг на других. И, поверь, я всё обдумала и посоветовалась с Эллафом. Он сказал, что разумнее постоянно держать двойника в своем поле зрения. Иначе тот натворит таких дел, о которых мы знать не будем, а они повлекут за собой непредвиденные последствия. Да и где он мог бы сейчас поселиться? В отеле при космопорте? Там дорого. У него есть на это деньги? В гостинице в Тиастелле? Под собственным именем? Выглядит он точной копией брата, которого очень многие в городе с благодарностью помнят. Тогда все начнут называть его «господин Ульвен Киофар» или даже «господин принц», и останется лишь предъявить суду огромное количество добровольных свидетелей, готовых подтвердить его личность...

– Эллаф прав. Твой муж сумел среди нынешнего безумия сохранить завидное здравомыслие. Нам следует брать с него пример, дорогая Иссоа.

– Юлиаа, мы женщины. Клон играет на наших чувствах как на... мийон эреллай.

«Мийон эреллай» – уйлоанский органчик, который имеется в доме семьи Киофар. Только он очень старый, инструмент берегут как реликвию, и его уже не используют для музицирования ни Иссоа, ни принц Ульвен.

– Мы справимся. Мы должны! – встряхнула кудрями я. – Только Илассиа лучше бы с ним не встречаться.

– Да, я тоже боюсь за нее, – согласилась Иссоа. – Она может решиться на крайность.

Я кивнула. Называть эту «крайность» вслух ни к чему. Внешняя аристократическая холодность нашей гранд-дамы не могла обмануть тех, кто знал ее так, как мы. Мне она чем-то напоминала Энцелад, близ которого я провела мои первые четыре с лишним года в Космосе: на поверхности – лёд, а под ним – океан, до сих пор еще малоизученный.

Иссоа еще немного побыла у меня в институте. Поскольку время перевалило за полдень, мы вместе с ней пообедали, заказав еду в ресторане. Появляться на публике императрице совсем не хотелось, ее визит в Институт истории Тиатары не афишировался. Я между делом сообщила Сэргэ, будто Иссоа потребовались кое-какие архивные данные, и даже попросила принести мне подлинные документы. Это были очень старые карты, на которых еще не значилось ни Витановы, ни, тем более, нынешнего космопорта, называемого в обиходе просто Космо, ни Тиамуна. А другое полушарие Тиатары зияло девственной белизной: про него тогда ничего не знали.

Теперь мой брат Виктор с друзьями-коллегами намерен заполнить эти пробелы.

Но Иссоа интересовали сейчас совершенно другие дела, и карты я изучала уже в одиночестве.

Комиссия

Предоставить двойнику доступ к библиотечным ресурсам оказалось нетрудно. Мне даже не пришлось ничего объяснять директору объединенного инфоцентра, достопочтенному Минулло-Минулло (как нетрудно понять по имени, алечуанцу). Я ограничилась упоминанием некоего клиента карантинной зоны, скучающего в изоляции и желающего почитать что-то высокоумное. История, космолингвистика, уйлоанистика, но без специальных архивных фондов Тиамуна и без раритетов Музея Уйлоа. Работать он будет на казенной технике, имеющейся в космопорте, так что легко контролировать, какие источники он откроет или скачает.

Я передала сообщение Пшшассу о новом контакте клона со мной и императрицей Иссоа и отправила запись беседы Камелии, осведомившись, как продвигается дело со сравнительным психопортретом.

«Дорогая Юлия, – ответила она. – Я немедленно изучу сегодняшний материал и займусь его всесторонним анализом. Работа движется не так быстро, как нам бы хотелось, потому что я стремлюсь избежать огласки и не привлекаю других коллег и помощников. Мне пришлось переслушать и пересмотреть огромное количество записей, касавшихся подлинного профессора Джеджидда, а также перечитать ваши книги о нем. Картина пока такова: составлен довольно подробный психопортрет покойного Ульвена Киофара Джеджидда, хотя кое-что для меня остается неясным. Он обладал чрезвычайно богатой, глубокой, тонкой и сложной натурой, вряд ли поддающейся однозначному истолкованию. В этом, собственно, главная трудность. Стержень личности ясен и неизменен, но периферия очень подвижна. О двойнике у нас сведений куда меньше, и любая новая информация будет кстати. Если мои выводы окажутся слишком поспешными, а аргументация уязвимой, это даст ему моральное и юридическое преимущество. Вы понимаете, насколько такой исход нежелателен. Постарайтесь почаще вступать с ним в контакт, как бы ни было тяжело».

Я всё-таки поинтересовалась предварительными результатами. Ведь мы не ошиблись, распознав в нашем госте великолепную копию с утраченного оригинала?

«Ваши ощущения истинны, – подтвердила она. – У пришельца другая личность, хотя он старательно имитирует подлинник. Кое-что мы с вами уже обсуждали. Альтруист – эгоист, и прочее. Записанная сегодня беседа позволяет внести в его психопортрет дополнительные черты. В отличие от настоящего Ульвена Киофара Джеджидда, двойник безжалостен. Вероятно, коварен или просто хитер. Не скажу, что жесток, для столь однозначного вывода пока нет оснований, но нам следует понимать, с кем мы имеем дело».

Я отправила Пшшассу краткое изложение своего разговора с Камелией Древич и ее предварительных мыслей о характере клона. Заодно спросила, возможно ли произвольным образом смоделировать нужные качества личности при создании биокопии, или они возникают спонтанно в процессе развития и обучения. Камелия не могла ответить мне на эти вопросы, потому что ранее никогда не общалась с клонами разумных существ и не знала, какова технология их производства и воспитания. С неразумными проще, там действуют инстинкты и, если нужно, умелая дрессировка. Но перед нами не просто высокоразвитое разумное существо, а копия выдающегося интеллектуала с весьма нестандартным мышлением. Что здесь врожденное, что внушенное, что сформированное сознательными усилиями?..

Координатор Пшшасс пообещал немедленно переправить мои вопросы специалистам. Сам он не сведущ ни в космопсихологии, ни в производстве клонов, по профессии он навигатор и всегда занимался администрированием, стратегией совместных действий и руководством силами быстрого реагирования Межгалактического альянса – обычно в ходе спасательных операций.

От Карла известий пока не поступало. Мне хотелось верить, что у них на Эрефе обошлось без конфликтов и происшествий. Может быть, окуданский космолет уже там и всюду занимается починкой поврежденного двигателя «Гране» или готовит корабль и команду к возвращению на Тиатару.

В моем институте открылась небольшая конференция планетологов. Мне пришлось прихорошиться, облачиться в парадный костюм и произнести вступительную речь о важности освоения неизвестных областей того мира, в котором мы все живем и работаем, а для некоторых он – единственно родной во Вселенной. Тут мне внезапно пригодились знакомство со старинными картами, которые я любопытства ради разглядывала после разговора с Иссоа. Я запросто оперировала терминами картографии и географии, как если бы давно занималась этой темой. Мой папа называет подобные хорошо подготовленные экспромты «роялем в кустах» (старинное русское выражение, – не знаю, откуда взявшееся, ведь рояль – инструмент, куда более громоздкий, чем синтезатор, и как его можно незаметно пристроить в кустах, мне неясно). Моя осведомленность в ранней истории изучения Тиатары произвела хорошее впечатление на участников конференции. Они остались в полной уверенности, будто профессор Цветанова-Флорес – не просто известный космолингвист и весьма толковый директор, а ученый широкого профиля. Об этой реакции планетологов мне потом рассказал брат Виктор, представивший коллегам план своей будущей экспедиции.

Отсидев первую часть конференции, я сослалась на множество дел и вернулась в свой кабинет – составлять предполагаемую комиссию для оценки познаний клона.

Конечно, исключать себя из списка я не имею права. Но и возглавить комиссию не берусь. Пусть председателя выберут из числа других коллег. Кого именно?..

Колледжем космолингвистики по-прежнему руководит совет из пяти деканов. Четверо заняли свои должности относительно недавно. В основном это довольно молодые сотрудники, и трое из них не знали профессора Джеджидда лично и никогда у него не учились. Пятый декан – самый старший, знаменитый и уважаемый космолингвист: профессор Лори Кан, занимавшая после смерти Ульвена должность со-ректора Тиамуна и декана исторического факультета. Она вернулась в Колледж, уступив место на карьерной лестнице своему супругу, профессору Альфреду Жиро. Сейчас он один из со-ректоров университета и, стало быть, мой начальник, хотя Институт истории Тиатары – учреждение почти автономное.

Лори Кан осталась такой же бойкой и энергичной, какой я ее помнила с первого курса, но несколько сбавила обороты активности, потому что в ее семье произошли значительные изменения. Сначала умерли друг за другом родители, о которых она терпеливо заботилась. А потом они с Альфом решили всех удивить и завели ребенка, зачатого эскорпорально. Первая их попытка в свое время закончилась трагически – нерожденный сын погиб во время аварийного приземления флаера. Поскольку естественным образом Лори родить в силу возраста уже не могла, а пример моих девочек «из пробирки» постоянно маячил перед глазами, Лори и Альф произвели свою дочку еще более технологичным способом, при помощи биоматки. Эксперимент проводился в медицинском центре Тиамуна при участии инопланетных медиков. Дитя назвали красиво и несколько претенциозно – Мариассоль Кан-Жиро. Имя кажется испанским, но это не так, оно создано путем ономастической комбинаторики, популярной среди уйлоанцев и отчасти среди тиатарских землян. Маму Альфа звали Мари, маму Лори – Ассоль. Девчушке уже года три, она иногда встречается на улице с нашими малышами, Антном Карлом, Фионой и Максом, однако к нам в гости ее не пускают и вообще стараются охранять от лишних контактов. Ну и ладно, не наша забота.

Вернемся к делам.

Положение щекотливое. Без Альфа и Лори мне обойтись нельзя. Альф – нынешний ректор и бывший космолингвист, переквалифицировавшийся в историка (докторскую диссертацию

цию он защитил как историк); его жена Лори – бывший ректор, декан факультета общего языкознания, и вдобавок давняя коллега Ульвена и даже нечто большее...

Я писала, что Лори Кан знала Ульвена с отрочества, она несколько младше его, и у них даже был в ранней юности неудачный роман, о котором он впоследствии сожалел как о ложном, постыдном и предосудительном шаге. Он сам рассказал мне про их опрометчивый сексуальный опыт, инициатором которого оказалась пятнадцатилетняя Лори, ухитрившаяся затащить целомудренного Ульвена на дозволенную раз в год студенческую оргию – «соммэ». Собственно, из-за этого он надолго сделался угрюмым аскетом, убедил сам себя, будто плотская сторона любви ему совершенно неинтересна и даже противна, и когда к нему под опеку попала я, он держался со мною как строгий отец, а вовсе не как молодой мужчина, пусть и инопланетянин. Если бы не случайно подслушанный разговор, я бы не подозревала, насколько сильно он привязан ко мне. Мне казалось, что опекун едва меня переносит, презрительно глядя на мою непричесанность и небрежность в одежде, на мои простецкие повадки, на отсутствие светского лоска. Но и я поначалу понятия не имела, кто он такой. Магистр и магистр. Оказалось – принц императорской крови и верховный иерофант.

У меня с Лори Кан сложились внешне хорошие, но противоречивые отношения. Она всегда говорила мне комплименты, а на деле старалась подстроить какие-то каверзы. Вероятно, и гнусные сплетни про мои отношения с учителем сочиняла тоже она, превосходно зная, как ревностно он относился к своей и моей репутации. Когда он погиб, Лори Кан заметно ко мне потеплела, однако полностью доверять я бы ей не стала.

И всё-таки Лори очень умна, проницательна и безусловно многое помнит о юных годах Ульвена.

Не следует забывать и про нашего бывшего декана Темару Ассур. Она давно на пенсии, живет в Витанове, воспитывает правнучатых племянников. Мы продолжаем дружить, хотя из-за моей занятости видимся редко. Темара уже работала в Колледже космолингвистики, когда Ульвен туда поступил, потом она стала его начальницей, однако она превосходно понимала, кто он такой, и фактически просто тащила на себе весь груз административной работы, позволив принцу-профессору заниматься только наукой и преподаванием. Из-за этого, вероятно, она так и не защитила магистерскую диссертацию. Но Темара Ассур не роптала на свое положение верной «тени» Ульвена. Напротив, когда после его ухода из Колледжа встал вопрос, кому поручить курс теории и практики перевода, Темара Ассур благородно отказалась от этой чести в мою пользу, заявив, что у нее нет собственных оригинальных идей, без которых курс станет бледной копией оригинала.

Нынешний декан переводческого факультета, профессор Луэй Мафир, не был непосредственным учеником Ульвена, как я, но посещал его курсы, сдавал ему экзамены и зачеты, и именно под впечатлением от его трагической гибели занялся уйлоанистикой. Звание доктора и профессора он получил за свои сравнительные исследования разных версий уйлоанского языка – исконной, известной по документам с Уйлоа, тиятарской и лиеннской.

Если бы на Тиятаре находился другой мой коллега, незабвенный Фонарик, профессор Фаррануихх Веррендарр, я бы не преминула обратиться к нему, но он с женой вернулся на Виссевану и унаследовал кафедру космолингвистики в местном университете после смерти своей знаменитой бабушки, Менненаирры Фарран. Связь с Виссеваной, впрочем, наладить вполне реально, и в случае необходимости я вызову на беседу и Фаррануихха.

Да, ещё не забыть про достопочтенное Минулло-Минулло! Как большая часть алечуанцев, оно искусный программист, однако при этом – фантастический библиограф с невероятной, поистине компьютерной памятью, и оно способно привести наизусть почти любую цитату из любого труда на известных ему языках (таковых наберется пара десятков).

Позвать кого-нибудь из Музея Уйлоа?.. У меня с ними сложные отношения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.